

Большая девочка

Автор:

Даниэла Стил

Большая девочка

Даниэла Стил

Виктория Доусон, пухленькая голубоглазая блондинка, всегда чувствовала себя изгоем в родной семье: любовь родителей целиком отдана ее младшей сестре, они даже не пытаются скрыть, как сильно их огорчает заурядная внешность дочери, в особенности ее излишняя полнота. Они ни на минуту не дают Виктории забыть о том, что она является самым большим разочарованием в их жизни. Но девушка находит в себе силы бороться с обстоятельствами и пытается преодолеть неуверенность в себе, а случайное знакомство с привлекательным молодым адвокатом заставляет ее взглянуть на себя совершенно другими глазами...

Даниэла Стил

Большая девочка

Как всегда, посвящаю книгу моим чудесным детям – Тревору, Тодду, Бити, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре. Они – источник неизменной поддержки и радости, они окружают меня заботой, любовью, пониманием, добротой, с ними мне так легко и радостно. И в счастье, и в горе мы всегда поддержим друг друга. Спасибо, что вы у меня есть. Вы самое большое счастье моей жизни.

С любовью, мама (Д.С.)

Глава 1

Джим Доусон от рождения был наделен привлекательной внешностью. Единственный ребенок в семье, не по годам рослый, сильный и спортивный, для родителей он был светом в окошке. Рождение сына после многолетних безуспешных попыток, когда обоим уже было за сорок, стало для отца с матерью подлинным счастьем, а в каком-то смысле и неожиданностью. Они уже потеряли надежду, и тут вдруг на свет появляется мальчик, да еще такой красавец. Мать с умильным выражением качала сына на руках, отец с упоением играл с ним в мяч. Джим был звездой школьной бейсбольной команды, девчонки за ним так и увивались. Темноволосый, с бархатными карими глазами и выразительной ямочкой на подбородке, он вполне мог бы сойти за киногероя. В колледже Джим – капитан футбольной команды – был заметной персоной, и никто не удивился, когда он стал встречаться с самой красивой девушкой на курсе. Ее семья переехала из Атланты в Южную Калифорнию, когда Кристина поступила в колледж. У миниатюрной и изящной девушки были такие же темные глаза и волосы, как у Джима, и фарфорово-белая кожа, как у сказочной Белоснежки. Ласковая и кроткая, с тихим голоском, она смотрела на него с обожанием. Они обручились сразу после окончания колледжа, а на Рождество сыграли свадьбу.

К тому времени Джим уже работал в рекламном агентстве, Кристина же после окончания колледжа занялась подготовкой к свадьбе. Она получила степень бакалавра, но главной ее целью в студенческие годы было найти жениха и выйти замуж, что ей и удалось сделать. Джим и Кристина были восхитительной парой, образцом типично американской красоты. Они великолепно дополняли друг друга и могли бы украсить обложку любого глянцевого журнала.

После свадьбы Кристина заикнулась было о карьере фотомодели, но Джим и слышать ничего не желал. У него была хорошая работа с приличным заработком, и он не хотел, чтобы его жена работала. Что о нем подумают, если его супруга будет вкалывать? Что он не в состоянии ее обеспечить? Джим хотел, чтобы жена сидела дома и каждый вечер ждала его с работы, что Кристина и делала. И все, кто их знал, говорили, что это самая красивая и гармоничная пара.

Вопроса о том, кто в доме главный, у них никогда не возникало. Правила всегда устанавливал Джим, и его жену это устраивало. Мать Кристины умерла, а свекровь, которую девушка называла «мамой Доусон», беспрестанно расхваливала сына. Да и сама Кристина не менее искренне восхищалась своим

мужем. Он неплохо ее обеспечивал, был любящим супругом, поддерживал превосходную физическую форму и в своем рекламном агентстве уверенно продвигался по карьерной лестнице. С людьми он всегда был обходителен и приветлив, тем более что умел располагать к себе окружающих, и слышать критику в свой адрес ему не приходилось. Да и причин для этой критики не было. Джим был симпатичный во всех отношениях молодой человек, легко сходилась с людьми, обожал свою жену и всячески о ней заботился. Требовал он от супруги, по его мнению, немного: чтобы она отвечала ему такой же преданностью и любовью, делала все, как он скажет, и позволяла самому принимать решения. Те же принципы исповедовал отец Кристины, который воспитал дочь в традициях семейного согласия и супружеской верности. И сейчас она была искренне убеждена, что о такой жизни, как у нее, можно только мечтать. От Джима не приходилось ждать неприятных сюрпризов или разочарований, он был предсказуем и открыт. Он оберегал жену и заботился о ней, обеспечивая при этом достойное существование, так что оба были вполне довольны своей семейной жизнью. Каждый отлично знал свою роль и играл по правилам: Кристина боготворила мужа, а он позволял себя боготворить.

В первые несколько лет Доусоны не спешили заводить детей и еще долго бы жили в свое удовольствие, если бы не назойливые приставания окружающих. Джим воспринимал вопросы как критику в свой адрес или намек на то, что детей у них быть не может. Никто не хотел понимать, что они наслаждаются своей свободой, пока потомством не связали себя по рукам и ногам. Частенько Джим вывозил жену на уик-энд, они проводили увлекательные отпуска, а раз или два в неделю шли ужинать в ресторан, хотя Кристина и сама вкусно готовила и освоила все любимые блюда мужа. Они не переживали от отсутствия детей, но со временем собирались решить этот вопрос. Однако через пять лет брака даже родители Джима забеспокоились, что у сына с невесткой могут быть какие-то проблемы по этой части, как было у них самих, когда они двадцать лет не могли зачать ребенка. Джим заверил отца с матерью, что проблем нет, они просто решили пожить в свое удовольствие и не спешат обзаводиться потомством. Им было по двадцать семь, и они наслаждались свободой и отсутствием обязательств перед кем бы то ни было.

Но бесконечные вопросы в конце концов достали Джима, и он объявил Кристине, что пора подумать о пополнении семьи. И та, как обычно, согласилась. Она всегда принимала то, что считал правильным Джим. Кристина вскоре забеременела, они даже не предполагали, что это случится так быстро. Они-то думали, что это произойдет через полгода, а может, и год. Тревога и беспокойство свекрови были напрасны – беременность у невестки протекала

легко.

Когда Кристине пришло время рожать, Джим отвез жену в клинику, но сам решил не присутствовать при родах. Кристина согласилась, что так будет правильнее. Она не хотела заставлять Джима переживать и испытывать неловкость. Он надеялся, что будет мальчик, и Кристина мечтала о том же, чтобы доставить мужу радость. Они и не думали, что может родиться девочка, и самонадеянно отказались от определения пола с помощью УЗИ. Джим наивно полагал, что его мужские качества служат гарантией рождения наследника. Кристина даже детскую комнату оформила в голубых тонах. Из-за ягодичного предлежания плода Кристине делали кесарево сечение, вот почему Джим узнал новость раньше жены, пока она еще находилась в послеоперационной и не очнулась после наркоза. В первый момент, когда акушерка показала ему ребенка через стекло палаты, Джим решил, что младенца подменили. Круглая, пухлощекая мордашка в белокуром облачке волос совсем не была похожа ни на отца, ни на мать. Но самым неожиданным было то, что это оказалась девочка. Нет, не такого ребенка он ждал. И глядя сквозь стекло на сморщенное личико малышки, Джим подумал, что она похожа на британскую королеву Викторию в старости. Он даже поделился своим открытием с медсестрой, и та пожурила его, сказав, что девочка просто красавица. Какая уж там красавица, с этими гримасами! С этим Джим был категорически не согласен. Ему казалось, что этот младенец не имеет ничего общего ни с ним, ни с Кристиной. Разочарованный, он с мрачным видом сидел в комнате для посетителей, пока его не позвали к Кристине. При одном взгляде на мужа она поняла: родилась девочка и Джим считает, что жена не оправдала его надежд.

– Девочка? – прошептала Кристина, еще не вполне придя в себя после наркоза. Джим молча кивнул. Как он теперь скажет друзьям, что вместо сына у него родилась дочка? Его самолюбию и мужским амбициям был нанесен серьезный урон, и изменить это он был не в силах. Подобные ситуации неизменно выводили его из равновесия. Джим был уверен, что всегда сам должен контролировать ход событий, и Кристина каждый раз ему охотно подыгрывала.

– Да, девочка, – наконец выдавил он, и у Кристины на глаза навернулись слезы. – Похожа на старую королеву Викторию. – Он не смог сдержаться и поддел жену: – Уж не знаю, кто отец, но у нее вроде бы голубые глаза, а волосики светлые. – В роду ни у кого из них не было блондинов, разве что его бабушка, но это Джим уже считал дальним родством. Но в Кристине он не сомневался. Судя по всему, в ребенке причудливо сплелись гены предков, но то, что на маму с папой она не

похожа, это точно. Будто чужой ребенок! Акушерки в один голос твердили, что девочка чудесная, но мнение Джима это не изменило. Молодой маме малышку принесли лишь спустя несколько часов, и Кристина с изумлением разглядывала свое дитя и трогала крохотные ручонки. Девочка была туго завернута в розовое одеяльце. Кристине только что сделали укол, чтобы остановить лактацию, поскольку она решила не кормить ребенка грудью. Собственно, это было решение Джима, а она и не возражала. Она жаждала как можно быстрее обрести прежнюю форму, тем более что Джиму всегда нравилась ее миниатюрная, изящная фигурка, а беременность, на его взгляд, ее не украсила. На протяжении всех девяти месяцев Кристина тщательно следила за весом. Сейчас она, как и Джим, не могла поверить, что эта светленькая малышка – их дитя. Ножки у девочки были длинненькие и сильные – как у Джима. Но чертами лица она даже отдаленно не напоминала никого из родни. Мама Доусон, увидев внука, согласилась с сыном и заявила, что девочка похожа на прабабушку и будет ужасно, если это сходство сохранится. Бабушка Джима по отцу всю жизнь была коренастой, полной женщиной и славилась не столько внешностью, сколько своим кулинарным и портновским мастерством.

Постепенно шок от того, что родилась дочь, начал проходить, хотя коллеги посмеивались, что теперь Джиму придется постараться еще раз и родить сына. Кристина переживала, что муж ею недоволен, но он постарался убедить ее, что счастлив уже тем, что они с малышкой здоровы, говорил, что ничего страшного в том, что родилась дочь, не видит. Но интонация была такая, что у Кристины при этих словах лишь укреплялось чувство вины. Отчасти и свекровь внесла свою лепту. Ни для кого не было секретом, что Джим мечтал о сыне, а не о дочке. Способность зачать сына он воспринимал как подтверждение своей мужской силы. Была и еще одна проблема: поскольку они совершенно не рассчитывали, что родится девочка, то даже не приготовили имени для этого пухлого комочка с белыми волосиками, что сейчас лежал на руках у Кристины.

Конечно, о сходстве с королевой Викторией Джим говорил в шутку, но имя им обоим понравилось. Джим пошел еще дальше и в качестве второго имени предложил Регину. Виктория Регина Доусон, в честь знаменитой королевы Виктории. Они посмотрели на малышку – имя удивительно ей подходило. Кристина согласилась. Пусть муж хотя бы именем будет доволен, раз уж с полом ребенка она не угодила. Ее не оставляло ощущение, что, произведя на свет дочку, она его сильно разочаровала. Но когда через пять дней они выписывались домой, Кристине показалось, что Джим ее простил.

Виктория росла послушным, жизнерадостным ребенком, с чудесным покладистым характером. Родителям она хлопот не доставляла. Она рано пошла и рано начала говорить, и все вокруг только и твердили, какая славная растет девочка. Волосы у нее так и остались светлыми, но беленький младенческий пушок сменился тугими белокурыми локонами. У нее были голубые глаза, светло-русые волосы и нежная, молочно-белая кожа. Многие говорили, она похожа на английского ребенка, на что Джим со смехом отвечал, что она и имя свое получила в честь королевы Виктории – из-за внешнего, как он полагал, сходства. Это стало его любимой шуткой в адрес дочери, он без конца ее повторял, а Кристина лишь кротко улыбалась. Она любила дочку, но главным объектом ее обожания все же оставался муж, и с появлением ребенка ничего не изменилось. В отличие от многих женщин, для кого дети становятся центром вселенной, для Кристины на первом месте всегда стоял муж и только потом – ребенок. Для такого самовлюбленного мужчины, как Джим, Кристина была идеальной спутницей. Она не могла на него наглядеться. И хотя он по-прежнему мечтал о сыне – для продолжения рода и чтобы было с кем кидать мяч, – они не спешили заводить второго. Виктория удачно вписалась в их жизнь, создав минимум неудобств, но они были единодушны в своих опасениях, что управляться с двоими, тем более с небольшой разницей в возрасте, будет тяжело, так что пока решили остановиться на одной дочери. Мама Доусон продолжала сыпать соль на раны и твердила Джиму, как это досадно, что у них не получилось родить сына, ведь тогда им не пришлось бы думать о втором ребенке, тем более что когда в семье только один малыш, он всегда вырастает более умным. Взять хоть ее распрекрасного сыночка – он-то у них единственный!

Время шло, Виктория росла смышленным ребенком. Она была общительной и доброжелательной девочкой и уже в возрасте трех лет разговаривала с родителями практически как взрослая. У девочки было хорошее чувство юмора и живой интерес ко всему, что творится вокруг. В четыре года Кристина уже научила дочь читать. А в пять отец рассказал ей, почему ее назвали в честь королевы. С тех пор девочка сияла от счастья всякий раз, как об этом заходила речь. Она уже знала, что значит быть королевой. Во всех сказках королевы всегда красивые и носят нарядные платья. А иногда они даже умеют творить чудеса! Ей сказали, что она названа в честь королевы Виктории, но как выглядела эта женщина, она не знала. Папа всегда говорит, что она на нее похожа – отсюда и имя. Еще она знала, что внешне напоминает папину бабушку, но ту она тоже никогда не видела, даже на фотографии. А может, она тоже была королевой?

В шесть лет Виктория оставалась круглолицей, пухленькой девочкой. У нее были крепкие ножки, и она была не по годам рослой. Она уже ходила в первый класс, где была выше многих других детей. Выше и крупнее. Про нее часто говорили «большая девочка», что Виктория воспринимала как комплимент. Тогда-то, в первом классе, она и увидела портрет королевы Виктории в одной книжке, которую читала вместе с мамой. Под картинкой стояло: «Королева Виктория». Виктория Регина. Точь-в-точь как она сама.

На снимке британская королева, уже в преклонных годах, держала на руках мопса, который был поразительно на нее похож. Девочка долго смотрела на фотографию и не издавала ни звука.

– Это она? – наконец спросила она, обратив к матери огромные голубые глаза. Кристина с улыбкой кивнула. В конце концов, это просто шутка. Девочка похожа на прабабушку, и только.

– Это прославленная английская королева, она правила много лет назад, – пояснила она.

– На ней ни платья красивого, ни короны. И собака у нее некрасивая! – Девочка была разочарована.

– Она здесь уже старенькая, – попыталась успокоить ее мать. Она видела, что дочка огорчена, и сердце у нее заныло. Кристина понимала, что своей шуткой Джим не хотел никого обидеть, но сейчас эта шутка не срабатывала, Виктория была очень расстроена. Она все смотрела и смотрела на снимок, а потом по ее щекам медленно скатились две слезы. Не говоря ни слова, Кристина перевернула страницу, мысленно надеясь, что девочка забудет эту фотографию. Но она не забыла. И после того случая папино излюбленное сравнение дочери с королевой зазвучало для нее совсем иначе.

Глава 2

Через год после того дня, как Виктория увидела фотографию королевы Виктории, в корне переменившую ее представление о себе, мама с папой

сообщили, что скоро у нее появится братик или сестричка. Виктория пришла в восторг. У большинства ее одноклассников уже были братья и сестры, она оставалась в числе немногих, кто был единственным ребенком в семье, и теперь сразу принялась мечтать, как станет играть с малышом. У нее появится живая кукла! Виктория училась во втором классе. Однажды вечером она подслушала разговор родителей о малыше (они думали, что дочь уже спит), и прозвучало слово «оплошность». Что это означает, Виктория не поняла. Что, если с ним что-то не так? Вдруг он родится без ручек или без ножек? Или никогда не научится ходить? Она не знала, насколько серьезной была эта «оплошность», а спрашивать не решилась. Мама плакала, отец тоже был расстроен. Оба говорили, что их устраивает нынешнее положение дел, им вполне хватает единственной дочери. Виктория была послушным ребенком, сейчас, когда ей было уже семь, она не причиняла взрослым никаких хлопот. И еще на протяжении всей маминой беременности папа твердил, что рассчитывает на сына. Мама вроде бы тоже хотела мальчика, но на всякий случай теперь оформила детскую не в голубом, а в нейтральном белом цвете. Она усвоила предыдущий урок, когда Виктория застигла их врасплох, оказавшись девочкой. Мама Доусон и на сей раз предрекала им дочь. На это же втайне надеялась и Виктория. Как и в прошлый раз, родители не стали заранее определять пол ребенка. Кристина до последнего лелеяла надежду, что будет мальчик, но в душе опасалась нового сюрприза.

Непонятно почему, но родители Виктории, в отличие от дочери, не изъявляли по поводу будущего ребенка особых восторгов. Мама без конца сетовала, что малыш очень крупный, а отец поддразнивал Викторию и говорил, что хорошо бы ребенок пошел не в старшую сестру. При каждом удобном случае он напоминал ей о сходстве с прабабушкой. Фотографий прабабки сохранилось немного, но на тех, что были, она неизменно представляла дородной женщиной в фартуке, без намека на талию, с широченными бедрами и мясистым носом. Неизвестно, что еще хуже – быть похожей на прабабушку или на эту некрасивую старуху – королеву, чью фотографию с собачонкой она видела в книжке. Изучив снимки прабабки, Виктория всерьез озаботилась величиной собственного носа. У нее был маленький нос, напоминавший луковичку, воткнутую в лицо посередине. Вот будет ужас, думала она, если у малыша окажется такой же. Но поскольку взрослые говорили о будущем ребенке как о «досадной оплошности», наверное, опасаться надо было куда более серьезных проблем. Мама с папой, конечно, не собирались объяснять Виктории, в чем, собственно, состоит эта оплошность, но она не забыла подслушанного однажды разговора. От этого Виктория лишь сильнее жаждала появления малыша, чтобы заботиться о нем и помогать ухаживать за ним по мере своих сил и возможностей. Она надеялась, что

оплошность не отразится на нем роковым образом. Может, ручка окажется сломанной или на голове будет шишка...

На этот раз кесарево сечение делали в плановом порядке, и взрослые объяснили Виктории, что мама неделю проведет в больнице и увидеть ее и малыша она сможет только после того, как их выпишут домой. Ей сказали, таков порядок, и она гадала, не для того ли дается эта неделя, чтобы исправить дефект, причиненный этой загадочной оплошностью.

В день появления малыша на свет Джим пришел домой в шесть часов, как раз когда бабушка готовилась кормить Victoriю ужином. Обе вопросительно посмотрели на папу, который с нескрываемым разочарованием сообщил, что родилась девочка. После чего все же улыбнулся и сказал, что на этот раз малышка очень хорошенькая и похожа на них с Кристиной. Это было такое облегчение, что он готов был даже закрыть глаза на пол ребенка. И еще Джим сказал, что, поскольку она такая красавица, они решили назвать ее Грейс[1 - Grace - грация, изящество, благодать (англ.)]. Бабушка Доусон даже заулыбалась, гордая тем, что опять угадала пол ребенка. Она-то с самого начала не сомневалась, что будет девочка! Джим сказал, что у малышки темные волосики и большие карие глаза, как у обоих родителей, а белизной кожи и идеальной формой рта она похожа на мать. Он сказал, что она настолько хороша собой, что ее уже сейчас можно снимать в рекламе товаров для младенцев. Ни слова не было сказано ни о каком увечье от «оплошности», беспокоившем Victoriю на протяжении целых восьми месяцев, и девочка тоже вздохнула с облегчением. Она так надеялась, что с малышом все будет в порядке, и вот теперь это сбылось.

На другой день они позвонили маме в больницу. Голос у Кристины был очень усталым. От этого Виктория лишь укрепилась в своем решении во всем помогать в уходе за сестричкой.

Когда она наконец познакомилась с сестренкой, та показалась ей еще прекраснее, чем ее расписывали. Это был чудесный ребенок, на редкость складненький и с прелестной мордашкой. Таких детей обычно рисуют в книжках или, как сказал папа, снимают в рекламе. Бабушка Доусон немедленно закудаhtала над малышкой и забрала ее у Кристины, Джим поспешил усадить мать в кресло, а Виктория попыталась получше рассмотреть сестренку. Ей до смерти хотелось взять ее на руки, расцеловать в обе щечки, баюкать и трогать за крохотные ножки. Она не испытывала ни малейшей ревности, а только

радость и гордость.

– Ну правда же, красавица? – обратился к матери весьма довольный собой Джим, и та охотно согласилась. На этот раз никто не вспоминал его бабушку, для этого просто не было повода. Малышка Грейс была похожа на фарфоровую куклку, и все в один голос твердили, что очаровательнее младенца в жизни не видели. Она ничем не походила на старшую сестру, голубоглазую и белокурую. Трудно было даже представить себе, что это родные сестры. А точнее – что Виктория тоже принадлежит к этой семье темноглазых брюнетов. И крепкой фигурой она не походила ни на кого из своих родных. Родившуюся девочку никто не сравнивал с королевой Викторией, и никто не шутил обидно по поводу ее носа. У нее носик был крошечный, как у сказочной феи, такие еще можно встретить на старинных медальонах – в точности как у Кристины. С момента ее появления на свет было ясно, что Грейс – одна из них, тогда как Виктория скорее напоминала подкидыша, оставленного на пороге их дома. Грейс была само совершенство, и Виктория смотрела на нее с обожанием. Уж скорее бы взрослые положили малышку, тогда она тоже сможет подержать ее на руках! Это была ее сестренка, она так долго ее ждала. Виктория полюбила ее задолго до ее появления на свет, и вот наконец малышка здесь, рядом.

Джим, как всегда, не удержался от шуток в адрес старшей дочери. Это у него было в характере – веселиться за чужой счет. Среди друзей он слыл хохмачом и не испытывал ни малейших угрызений совести из-за своих подчас бестактных шуток. Сейчас, когда Виктория с нежностью смотрела на малышку, он повернулся к ней с насмешливой улыбкой.

– Похоже, ты у нас была первый блин. – Он ласково потеревил ей волосы. – На этот раз мы удачно скорректировали рецепт, – радостно объявил он, а бабушка Доусон объяснила, что первый блин обычно выходит комом. Он никогда не получается таким, как нужно, – либо температура сковороды не та, либо тесто жидкое или, наоборот, густое. Поэтому его обычно выбрасывают, регулируют огонь, подправляют тесто, и дальше все идет как надо. Викторию вдруг охватил ужас: вдруг теперь, когда Грейс удалась на славу, ее выкинут на помойку? Но про это ничего сказано не было. Мама с бабушкой и маленькой сестренкой поднялись наверх, Виктория с благоговением последовала за ними. Она держалась на почтительном расстоянии и молча наблюдала за тем, что делают взрослые. Она хотела научиться ухаживать за сестренкой с такой же ловкостью. Виктория не сомневалась, что, когда бабушка уедет к себе, мама позволит ей ухаживать за малышкой. Она уже спрашивала об этом маму, и та обещала.

Новорожденную переодели в крошечную розовую распашонку и завернули в одеяльце, после чего Кристина покормила ее из бутылочки, привезенной из больницы. Потом она дала малышке срыгнуть и уложила в кроватку. Наконец-то у Виктории появилась возможность как следует разглядеть сестренку. И действительно, такой красивой девочки она еще никогда не видела. Впрочем, она любила бы ее не меньше, даже если бы она не была такая красавица, а напоминала бы королеву Викторию или нос у нее был бы картошкой. И внешность малышки не имела для нее никакого значения, не то что для взрослых.

Воспользовавшись тем, что мама с бабушкой увлеклись разговором, Виктория дала малышке палец, и та, глядя на сестру, крепко за него ухватилась. Для Виктории это был самый счастливый момент в жизни, она ощутила связь с сестренкой, которая, она знала, будет только крепнуть и не прервется никогда. Она дала себе обещание заботиться о сестре всю жизнь и никому не позволять ее обижать и доводить до слез. Она хочет, чтобы жизнь маленькой Грейс была безмятежной, и будет делать для этого все возможное. Тут малышка закрыла глазки и уснула, а Виктория осталась стоять у кроватки и не могла оторвать от нее глаз. Какое счастье, что «оплошность» прошла без последствий и что у нее наконец есть Грейси!

Потом Виктория задумалась над словами отца о «первом блине». Неужели это правда? Неужели ее произвели на свет с единственной целью – чтобы исправить возможные огрехи, прежде чем родить Грейс? Если так, то им это действительно удалось. Более милого ребенка Виктория еще никогда не видела, то же говорили и взрослые. На какой-то миг Виктории захотелось, чтобы в роли «первого блина» оказался кто-то другой, а не она, чтобы мама с папой относились к ней так же, как сейчас отнеслись к Грейс. Ей захотелось, чтобы ее считали удачным ребенком, а не каким-то пробным экземпляром, после которого требуется корректировка. И какую бы цель ни преследовали родители, когда произвели ее на свет, главное – чтобы им никогда не пришло в голову избавиться от нее. Теперь у нее было только одно желание – всю жизнь находиться рядом с Грейс, стать лучшей на свете старшей сестрой. И как же хорошо, что крошке не досталось от прабабушки этого ужасного мясистого носа!

Потом она спустилась вниз и вместе со взрослыми села обедать, пока малышка мирно спала наверху. Мама говорила, что в первые несколько недель она будет много спать. За обедом Кристина рассуждала о том, как побыстрее вернуться в форму, Джим наливал взрослым шампанского и с улыбкой поглядывал на

Викторию. На старшую дочь он всегда смотрел с долей иронии, как если бы их объединяла какая-то тайная шутка или же она сама была этой шуткой. Виктория так и не разобралась, что именно скрывалось за этим взглядом, но ей нравилось, когда папа ей улыбался. А теперь она была счастлива еще и тем, что у нее появилась чудесная младшая сестра. Не о такой ли сестренке она всю жизнь мечтала? О сестренке, которую она будет любить и которая станет так же сильно любить ее в ответ.

Глава 3

Мама научила Викторию, как ухаживать за новорожденной. Когда Грейс исполнилось три месяца, Виктория уже умела ловко менять малышке подгузники, могла ее искупать, одеть, покормить и подолгу с ней играла. Они были неразлучны. Кристине это давало желанную передышку. Пока с малышкой занималась Виктория, она могла позволить себе сыграть в бридж с подругами или посетить урок игры в гольф, и четыре раза в неделю она ходила в фитнес-центр. Она успела подзабыть, как много времени и сил отнимает маленький ребенок. А Виктория с удовольствием ей помогала. Едва вернувшись домой после школы, она бежала мыть руки, вынимала из кровати малышку и занималась ею вплоть до вечера. Именно Викторию крошка Грейси наградила своей первой улыбкой, и было очевидно, что малышка ее просто обожает – как обожает ее старшая сестра.

Годовалая Грейс оставалась картинно-красивым ребенком. Всякий раз, как Кристина отправлялась с дочерьми в супермаркет, на нее непременно обращали внимание. В Лос-Анджелесе, где жила семья, повсюду рыскали охотники за хорошенькими мордашками. Кристине без конца предлагали снять девочку в кино, в телепрограмме, в рекламном ролике или для печатной рекламы. Джиму тоже доставалась своя доля лестных предложений, стоило ему лишь показать кому-то фотографию младшей дочери. Виктория как замороженная смотрела, как к маме подходят незнакомые люди и предлагают снять Грейс в рекламе, в телешоу или в кино, а Кристина всякий раз вежливо, но твердо отказывается. Они с Джимом не собирались зарабатывать деньги на ребенке, но чувствовали себя польщенными и частенько хвалились перед друзьями. Виктория слышала эти разговоры и чувствовала себя невидимкой. Когда к ее маме подходили с подобными предложениями, саму Викторию будто никто не замечал. Все видели только одного ребенка – Грейс. Виктория принимала это как должное, но порой

ее одолевало любопытство: интересно, как это – сниматься в кино или на телевидении. Как чудесно, что Грейси такая хорошенькая! Виктория обожала наряжать сестренку, как куклу, и перевязывать ее темные кудряшки яркой лентой. Грейс уже начала ходить, а когда она впервые произнесла ее имя, Виктория растаяла. При каждом появлении старшей сестры малышка заливалась радостным смехом.

Когда Грейс исполнилось два года, а Виктории – девять, после скоротечной болезни умерла бабушка Доусон, и у Кристины в уходе за малышкой осталась единственная помощница – Виктория. Раньше, пока была жива мать Джима, они никогда не приглашали няnek со стороны, сидеть с детьми помогала бабушка. Теперь, после кончины свекрови, Кристине пришлось искать надежную няню, на кого можно было бы оставить детей, если они с Джимом куда-то выходили вечером. В этом качестве она перепробовала нескончаемую череду молоденьких девчонок, которые, казалось, приходили для того только, чтобы болтать по телефону и смотреть телевизор, в то время как за ребенком присматривала Виктория. Впрочем, обеих сестер такой вариант устраивал. Виктория выросла и делалась все более ответственной, а Грейс с каждым годом хорошела. Она была веселого нрава, постоянно улыбалась и смеялась. Старшая сестра, единственный человек в семье, умела заставить ее рассмеяться сквозь слезы и забыть о своих бедах. Кристина справлялась с маленькой дочкой не так успешно и охотно перепоручала ее Виктории. А Джим по-прежнему продолжал прохаживаться насчет ее миссии «первого блина». Теперь Виктория уже прекрасно понимала, что это означает, – всего лишь что Грейс красавица, а она – нет и что вторая попытка у родителей вышла более удачной. Однажды она рассказала об этом своей подружке, и та пришла в ужас – в отличие от самой Виктории, которая давно уже свыклась с таким прозвищем: отец называл ее так при каждом удобном случае. Пару раз Кристина пробовала его остановить, но Джим возразил, что дочь понимает: это всего лишь шутка. На самом же деле Виктория была с ним согласна. Она давно пришла к выводу, что действительно вышла «комом», зато Грейси – настоящая удача. И бесконечные комплименты в адрес Грейси лишь утверждали ее в этом мнении. Виктория давно укрепила в мысли о себе как о невидимке. Высказавшись о том, как прелестна и очаровательна Грейс, люди обычно не знали, что сказать о Виктории, и чаще всего вообще ничего не говорили.

Виктория не была дурнушкой, она просто была обыкновенная. У нее были симпатичные, но заурядные черты, безыскусное лицо и прямые светлые волосы – кудряшки с годами совершенно распрямились, – ничего общего с ореолом черных завитушек на голове сестренки. У нее были большие, наивные голубые

глаза – цвета летнего неба, но темные глаза родителей и сестры Виктория находила куда более выразительными и эффектными. И потом, у них же у всех цвет глаз одинаковый! И волосы. Она же будто из другой семьи! И кость у родителей и у Грейс была узкая, правда, отец высокий и статный, а мама с сестренкой – миниатюрные и изящные, с тонкими чертами лица. Грейс была дочерью своих родителей. Виктория же совсем другой породы. В ней было что-то основательное – крепкая кость, широкие плечи. Она была здоровым ребенком с румяными щечками и выступающими скулами. Единственной примечательной чертой ее совершенно обыденного облика можно было считать длинные ноги, придававшие ей сходство с молодой лошадкой. Но и эти длинные и худые ноги казались не вполне подходящими к ее коренастому телу, как когда-то заметила бабушка Доусон. У Виктории был коротковатый торс, отчего ноги казались непропорционально длинными. Но несмотря на широкую кость, двигалась Виктория легко и изящно. Для своего возраста она была крупновата – не настолько, чтобы считаться толстой, но и стройной ее нельзя было назвать. Папа всегда говорил, что ее и на руки-то не возьмешь, такая она тяжелая, тогда как Грейс он подкидывал в воздух, как пушинку. Кристина даже после родов оставалась худенькой, да к тому же неустанно занималась в тренажерном зале, что позволяло ей поддерживать великолепную форму. Джим, при своем высоком росте, тоже всегда был поджарым, неудивительно, что Грейс, которая во всем пошла в родителей, не была пухлым ребенком.

Главным качеством Виктории можно было назвать ее непохожесть на остальных членов семьи. Эта непохожесть была такой сильной, что становилась заметной всем окружающим. Недаром Доусонов не раз спрашивали (и Виктория это слышала), не приемная ли у них дочь. Это было похоже на то, как учитель показывает в классе картинки с изображением яблока, апельсина, банана и пары калош и спрашивает, какая картинка не из этого ряда. Такой же лишней парой калош ощущала себя Виктория в родной семье. Это странное чувство преследовало ее всю жизнь, она ощущала себя не такой, как ее близкие. Другой. Если бы она была хоть чем-то похожа на одного из родителей, Виктория бы чувствовала, что она здесь своя. А так она ощущала себя пришельцем в родной семье, единственной, кто выпадает из общего ряда, и никто никогда не называл ее красивой, как Грейси. Та была просто картинкой, а Виктория – некрасивой старшей сестрой. Белой вороной.

И еще одно обстоятельство усугубляло ситуацию. У Виктории с рождения был отменный аппетит, что было опасно при ее склонности к полноте. Она любила большие порции и всегда вылизывала тарелку дочиста. Обожала пироги и конфеты, мороженое и хлеб, особенно свежий, еще теплый. В школе до

последней крошки съедала обильный ланч. Не могла отказать себе в тарелке картошки фри, хот-доге или в порции карамельного мороженого. Джим тоже любил хорошо поесть, но он был взрослый подвижный мужчина и не толстел. Кристина же питалась одной вареной рыбой, овощами на пару, салатами – всем тем, что терпеть не могла Виктория. Девочка предпочитала чизбургеры, спагетти и фрикадельки и даже в раннем детстве частенько просила добавки, несмотря на неудовольствие отца, а порой и его насмешки. Никто в семье не отличался склонностью к полноте, только Виктория. И не было случая, чтобы она забыла поесть. Сытость придавала ей уверенности.

– Юная леди, однажды ты пожалеешь о своем аппетите, – частенько предостерегал ее отец. – Не хочешь же ты, чтобы тебя к моменту поступления в колледж разнесло! – До колледжа еще так далеко, а картофельное пюре – вот оно, на столе, рядом с блюдом жареной курятины. Зато в питании Грейс Кристина всегда проявляла большую осмотрительность. Она объясняла, что у младшей дочери совсем другое телосложение, такое же, как у нее, хотя Виктория тайком угощала сестру сладостями, от чего та приходила в восторг. Стоило Виктории достать из кармана леденец на палочке, как сестренка радостно вскрикивала, поэтому даже единственный леденец Виктория неизменно отдавала сестренке.

В школе Виктория успехом никогда не пользовалась, а водить друзей домой не позволяли отец с матерью. Мама говорила, что ей вполне хватает того, что двое собственных детей устраивают дома бог весть какой кавардак. Кристина была знакома с несколькими подружками дочери, но они ей не нравились. Она придиралась к ним по любому поводу, поэтому Виктория вскоре перестала водить друзей домой. В результате ее тоже никто к себе не приглашал, ведь ответного визита ждать не приходилось. К тому же она вечно спешила домой, чтобы заняться малышкой. В классе у нее были подружки, но дальше стен школы эта дружба не шла. Первые школьные годы оказались у Виктории омрачены одной трагедией – в четвертом классе она осталась единственной девочкой, не получившей валентинку в День всех влюбленных. Она пришла домой в слезах, но мама велела ей выбросить эту дурь из головы. На следующий год Виктория сказала себе, что ей наплевать, получит она валентинку или нет, и приготовилась к очередному разочарованию. Но на этот раз она получила валентинку от одной своей одноклассницы, такой же рослой, как и Виктория. Все мальчики в классе были ниже их ростом. Та вторая девочка была даже выше Виктории, но зато худая, как жердь.

Другая трагедия случилась с ней в возрасте одиннадцати лет, когда Виктория обнаружила, что у нее растет грудь. На какие только ухищрения она ни шла, чтобы ее спрятать, – будь то мешковатые свитера, просторные фланелевые рубахи, а то и просто одежда двумя размерами больше. Но грудь, к превеликому огорчению Виктории, продолжала расти. А к седьмому классу у нее уже была вполне женская фигура. Она часто думала о своей прабабушке, дородной женщине с широкими бедрами и большим бюстом. Виктория молила Бога, чтобы никогда не стать такой же, как она. Правда, ноги у Виктории были длинные и стройные. Виктория еще не понимала, что это ее главное достоинство. Друзья родителей частенько называли ее «большой девочкой», но было неясно, что они имеют в виду – длинные ноги, большую грудь или крепкое сложение. Бывало, не успеет она понять, на какую часть ее тела обращен взгляд говорящего, а он уже повернулся к изящной Грейси. Рядом с сестрой Виктория ощущала себя великаншей. Рослая, с оформившейся фигурой, она казалась намного старше своих лет. В восьмом классе учитель изобразительного искусства назвал ее «рубенсовской барышней», а Виктория не осмелилась уточнить, что он имел в виду, да ей не очень и хотелось. И так ясно, что это художественный, более деликатный синоним все той же «большой девочки», характеристики, которую она ненавидела всей душой. Она не хотела быть такой. Она хотела быть миниатюрной, как мама с сестренкой. Тогда же, в восьмом классе, Виктория остановилась в росте, достигнув пяти футов семи дюймов, что вовсе не было аномально высоким ростом, но определенно выделяло ее среди одноклассниц и тем более одноклассников (мальчики, как известно, пускаются в рост позже). Она чувствовала себя каким-то чужеродным существом.

Когда Виктория училась в седьмом классе, Грейси пошла в детский сад, и в группу ее всегда отводила сестра. Мама подвозила обеих девочек к школе, высаживала и тут же уезжала, а Виктория с нескрываемым удовольствием доводила сестренку до группы и смотрела, как та осторожно входит в класс, оборачивается и посылает сестре воздушный поцелуй. На протяжении всего учебного года она присматривала за Грейси на переменах, а после занятий забирала ее и везла домой. Все это продолжалось и в восьмом классе, когда Грейси уже пошла в начальную школу. Но занятия учащихся последних четырех классов – с девятого по двенадцатый – проходили уже в другом здании и на другой улице. Кто же будет присматривать за Грейси, волновалась Виктория, кто приглядит за ней на перемене? Виктория будет скучать по сестренке. А Грейси станет скучать по ней, ведь она привыкла во всем полагаться на нее и радовалась, что сестра то и дело заглядывает в класс, чтобы убедиться, что у нее все в порядке. В день, когда Виктория окончила восьмой класс, сестры дружно расплакались. Грейси даже заявила, что не хочет осенью идти в школу

без Виктории. Восьмой класс стал для Виктории концом целого этапа жизни, которым она так дорожила. У нее легче на сердце, когда сестренка была рядом. Делом ее жизни было заботиться о сестре. И в этом ей не было равных.

Летом перед старшей школой Виктория впервые села на диету. В каком-то журнале она прочла рекламу травяного чая и заказала себе упаковку, сэкономив на карманных расходах. В рекламе обещалась гарантированная потеря десяти фунтов веса, и ей ужасно захотелось прийти в девятый класс постройневшей и более стильной. Половое созревание и данная от природы конституция привели к тому, что Виктория весила на десять фунтов больше, чем нужно в ее возрасте, – так сказал семейный врач. Травяной чай оказался даже более эффективным, чем ожидалось, и Виктория несколько недель ходила совершенно больная. Грейс говорила, она вся зеленая, и спрашивала, зачем она пьет такой противный чай. Родителям девочки ничего не сказали, а те словно и не замечали, что творится со старшей дочерью. Чай привел к свирепой диспепсии, Виктория надолго засела дома, а всем говорила, что у нее грипп. Кристина успокаивала мужа, истолковывая недомогание дочки как обычную нервозность перед переходом в новую школу. В конечном итоге чай сыграл свою роль – переболев, Виктория сбросила восемь фунтов и теперь была довольна своим весом.

Доусоны жили на краю Беверли-Хиллз в уютном жилом районе. Это был все тот же дом, в котором семья жила, когда родилась Виктория. В своем рекламном агентстве Джим давно уже не был рядовым сотрудником, он поднялся до руководящей должности. Его карьера складывалась успешно, а Кристина занималась домом. Супругам было по сорок два года, они прожили вместе уже двадцать лет, и их жизнь являла собой хорошо отлаженный механизм. Они были рады, что ограничились двумя детьми, которыми были вполне довольны. Джим любил приговаривать, что у Грейс есть красота, а у Виктории – мозги и они сумеют найти себе достойное место в этом мире. Он хотел, чтобы Виктория поступила в хороший колледж и сделала карьеру. «Рассчитывать будешь на свои мозги», – твердил он, как будто ей нечем было больше похвастаться.

– Этого мало! – возражала Кристина. Ее порой тревожило, что Виктория растет такой умной. – Мужчины умных не любят. – Мама не скрывала своей обеспокоенности. – Им еще и внешность подавай. – В последний год она пилила дочь за лишний вес и теперь была довольна, что та похудела, хотя понятия не имела, на что пришлось пойти девочке, чтобы за месяц сбросить восемь фунтов. Кристине хотелось видеть дочь не только умной, но и привлекательной. Насчет

Грейси родители волновались куда меньше, при ее красоте и очаровании она, казалось, уже в семь лет способна покорить мир. Во всяком случае, отец был ей рабски предан.

В конце лета, перед переходом Виктории в старшие классы, семья на две недели уехала отдохнуть в Санта-Барбару, где все они отлично провели время. Как уже бывало и раньше, Джим снял домик в Монтечито, и они каждый день ходили купаться. Как-то раз Джим прошелся насчет фигуры старшей дочери, после чего Виктория влезла в свободную рубашку поверх купальника и наотрез отказывалась ее снимать. После реплики насчет пышного бюста Джим попытался загладить оплошность тем, что похвалил ее стройные ноги, но это уже не помогло. Он вообще чаще делал замечания по поводу ее внешности, чем хвалил за успехи в учебе. Отличные оценки Виктории для него были привычными, зато отец никогда не скрывал своего разочарования внешними данными дочери, как если бы она его в чем-то подвела и эта ее неудача бросала тень на него самого. Все это она уже слышала раньше, и неоднократно. Каждый день родители подолгу гуляли по берегу, в то время как Виктория оставалась с Грейси и вместе с ней строила из песка замки, которые Грейси украшала цветами, камешками и палочками от леденцов. Грейси обожала играть со старшей сестрой, и Виктории нравилось доставлять девочке радость. А вот извечные шуточки отца в ее адрес Викторию больно задевали. Мама же делала вид, что ничего не замечает, не пыталась ее утешить и ни разу не встала на ее защиту. Виктория прекрасно понимала, что ее внешностью мать тоже разочарована.

Тем летом в Монтечито Виктории понравился один мальчик, он жил в доме через дорогу. Мальчика звали Джейк, он был ее ровесник и осенью должен был уехать на юг Калифорнии в специализированную школу. Он спросил у Виктории разрешения писать ей, та с радостью согласилась и дала ему свой лос-анджелесский адрес. Вечера они часто проводили вместе, делились своими тревогами перед старшей школой. А однажды в темноте, когда они поочередно потягивали пиво из бутылки, втихаря взятой в баре его родителей, и покурили сигаретку, Виктория призналась, что никогда не пользовалась успехом у мальчиков. Джейку это показалось странным. Он считал ее умной, интересной девчонкой. Ему нравилось с ней разговаривать, она казалась таким славным человеком. Виктория до этого ни разу не пробовала ни пива, ни сигарет, и, когда в тот вечер она вернулась домой, ей стало плохо, ее рвало. Но никто этого не заметил. Мама с папой уже ушли в спальню, Грейси давно спала в своей комнате. На другой день Джейк уехал, перед началом учебного года ему с родителями еще предстояло навестить бабушку с дедушкой в Лейк-Тахо. У

Виктории не было ни бабушек, ни дедушек, правда, она не особенно переживала по этому поводу – по крайней мере, никто, кроме родителей, не прохаживается насчет ее внешних данных. Мама уже решила за нее, что осенью она подстрижется короче и начнет ходить на тренировки. Кристина хотела, чтобы дочь занималась гимнастикой или балетом, не задумываясь о том, как нелепо будет чувствовать себя перед другими девочками рослая Виктория, одетая в трико. Виктория предпочла бы, чтобы все оставили ее в покое. Уж лучше вообще не следить за фигурой, чем так унижаться, или сесть на диету и пить этот мерзкий травяной чай.

После отъезда Джейка Виктория заскучала. Интересно, думала она, напишет ли он ей хоть раз? Последние дни в Монтечито она провела, играя с младшей сестренкой. Разница в семь лет никогда не смущала Викторию, с Грейси ей всегда было весело. А отец с матерью и всегда считали, что большая разница в возрасте только на пользу дочерям. Старшая не испытывала к младшей ни малейшей ревности, а теперь и вовсе превратилась в надежную няню, на которую всегда можно оставить младшую дочь. Что они и делали всякий раз, как куда-то шли, а случилось это все чаще и чаще, ведь девочки уже подросли.

Один эпизод заставил всех не на шутку поволноваться. Как-то после обеда, когда семья находилась на пляже, Грейси, воспользовавшись отливом, зашла в воду дальше обычного. Виктория же в это время побежала, чтобы взять подстилку и крем от загара. Неожиданно набежала волна и сбила Грейси с ног. Девочку накрыло с головой и поволокло в океан. Увидев это, Виктория громко закричала и со всех ног бросилась к сестре. Она бесстрашно кинулась в волну и вынырнула уже вместе с сестренкой, крепко ухватив ее за предплечье и отплываваясь, но в этот момент волна накрыла обеих. Тут и родители обратили на них внимание и дружно рванулись к воде. Джим бросился в воду, сильными руками подхватил обеих дочерей и вытащил из воды, а Кристина стояла на песке и в безмолвном ужасе взирала на происходящее. На нее будто ступор нашел. Первым делом Джим наклонился к Грейси:

– Никогда больше так не делай! Не смей заходить в воду одна!

Потом он повернулся к Виктории.

– А ты куда смотрела? Как можно было оставить ее в воде одну? – зло бросил он дочери. Виктория, потрясенная случившимся, рыдала. Надетая поверх купальника рубашка вымокла насквозь и облепила ее тело.

– Я хотела принести крем, чтобы она не обгорела, – оправдывалась она, хлюпая носом. Кристина ничего не говорила, а только завернула Грейси в полотенце. У девочки даже губы посинели, так долго она плескалась в воде, пока был отлив.

– Она же чуть не утонула! – продолжал негодовать отец. От гнева и возмущения его трясло. Джим редко кричал на детей, но сейчас он был потрясен пережитой близкой опасностью. Он и не подумал похвалить Викторию за то, что первой бросилась сестре на помощь, не дожидаясь старших. Он был слишком расстроен случившимся, а не меньше его – и сама Виктория. Грейс прижалась к маме, та крепко ее обняла. Мокрые темные кудряшки облепили ее хорошенькое испуганное личико.

– Прости меня, папа, – прошептала Виктория сквозь слезы.

Джим отвернулся и зашагал прочь, а мать занялась младшей дочерью.

– Мам, прости меня, – негромко проговорила она, вытирая слезы. Кристина лишь кивнула и протянула дочери полотенце.

* * *

Учиться в старших классах оказалось легче, чем ожидала Виктория. Занятия были хорошо организованы, учителя ей нравились, а предметы были интереснее, чем в средней школе. Впрочем, учиться Виктории всегда нравилось, вот и теперь она занималась с удовольствием. Что до всего остального, то она ощущала себя рыбой, вытащенной из воды, и с первого же дня была потрясена внешним видом других девочек. По сравнению с ее прежними одноклассницами они выглядели куда более вызывающе. И дело было не только в их одежде. Большинство казались намного старше своих лет. Все девочки были накрашены, многие были неестественно худы: явно не обошлось без радикальных средств для похудения. В первый школьный день Виктория чувствовала себя неуклюжей коровой, а ведь ей так хотелось выглядеть не хуже других. Она внимательно присматривалась к нарядам одноклассниц, которые смотрелись бы на ней просто ужасно, хотя мини-юбку можно было бы и примерить, с ее-то ногами! Виктория же пришла в джинсах со свободной рубашкой, скрывавшей ее формы. Длинные светлые волосы были распущены по спине, на лице никакой косметики, а на ногах высокие кроссовки, только накануне купленные вместе с мамой. Опять она не

угадала! Одедась не так, как все, и ходит теперь белой вороной. Некоторые школьницы, сбившиеся в стайки возле школы перед началом уроков, походили скорее на участниц какого-нибудь модного показа. Им можно было дать лет по восемнадцать, а кому-то уже столько и было. Но даже ровесницы Виктории казались намного старше своих лет. Это было ее первое впечатление от новой школы: толпа стройных и потрясающе сексуальных девиц. На глаза Виктории навернулись слезы.

– Удачи! – с улыбкой пожелала мама, высаживая дочь перед школой. – Успешного первого дня! – Виктории же хотелось забиться и не выходить из машины. В руке у нее было зажато расписание уроков и план школы. Хорошо бы найти дорогу и не заблудиться, чтобы обойтись без лишних расспросов. Сердце ее сжималось от ужаса, она боялась, что разрыдается, стоит ей открыть рот. – Все будет в порядке, – подтолкнула Кристина дочь, и Виктория выскользнула из машины и с делано беспечным видом заспешила мимо других девочек, стараясь ни с кем не встречаться взглядом и не здороваться. Это была армия крутых девиц, тогда как себя к крутым Виктория никак отнести не могла.

В большую перемену кое-кого из этих девочек Виктория видела в буфете, но держалась от них подальше. Она взяла себе пакет картофельных чипсов, большой сэндвич, йогурт, упаковку печенья с шоколадной крошкой на потом и устроилась за дальним столиком в одиночестве, пока рядом с ней не примостилась еще одна девушка. Она была выше Виктории и худа как жердь – при таком росте ей стоило бы заняться баскетболом, наверняка она дала бы фору большинству мальчишек. Прежде чем сесть, она спросила у Виктории разрешения.

– Не против, если я присяду?

– Пожалуйста. – Виктория открыла пакет с чипсами. У другой девочки на подносе было аж два сэндвича, но ее фигуре это, видимо, не могло повредить. Если бы не длинные каштановые волосы, ее вполне можно было принять за парня. Девушка тоже была без косметики и одета в джинсы с кроссовками.

– Девятый класс? – спросила она, разворачивая сэндвич, и Виктория смущенно кивнула. – Я Конни. Я капитан женской баскетбольной команды, как нетрудно догадаться. У меня рост шесть футов два дюйма. Я в одиннадцатом. Добро пожаловать в старшую школу! Ну как, осваиваешься?

– Понемножку, – ответила Виктория, стараясь не выдать своего волнения. Ей не хотелось, чтобы Конни заметила, что она испугана и чувствует себя белой вороной. Интересно, в четырнадцать лет Конни так себя ощущала? Сейчас она была абсолютно спокойна и довольна собой, но тот факт, что она подсела к девятиклашке, наводил на мысль, а есть ли у нее подруги. И если есть, то где они все? Кажется, она выше всех парней в буфете.

– Я уже в двенадцать лет была такого роста и с тех пор перестала расти, – продолжала Конни. – У меня братец тоже высоченный, он играет за Университет Южной Калифорнии, получает спортивную стипендию. А ты во что-нибудь играешь?

– В волейбол, но немножко. – Спорт никогда не привлекал Викторию. Она была домоседкой и с удовольствием проводила время с книгами.

– У нас тут есть отличные команды. Может, тебя баскетбол заинтересует? У нас много таких высоких девчонок играет, – добавила она, и Виктория чуть не сказала: «Да, только не с моим весом». То, как выглядели другие девочки – все они были стройнее ее, – произвело на нее неизгладимое впечатление. А с Конни она не чувствовала себя неуклюжей. Девушка хотя бы не похожа на истощенную анорексией барышню и не одета так, словно собралась на свидание. Она была славная и держалась дружелюбно. – К старшей школе еще надо привыкнуть, – говорила Конни. – Знаешь, в первый день мне тоже было не по себе. Парни все были ниже ростом. А девчонки – намного красивее. Но здесь всяким находится место – качкам, модницам, красоткам... Есть даже клуб геев и лесбиянок. Ну, надеюсь, ты и сама разберешься, что к чему. Здесь друзей быстро находят.

Виктория подумала, что ей, похоже, повезло, что к ней подсела именно Конни. Может, и у нее один друг уже появился? За разговором Конни прикончила оба сэндвича, а Виктория обнаружила, что сжевала чипсы и печенье. Она решила съесть йогурт, а все другое оставить.

– Ты где живешь? – поинтересовалась новая знакомая.

– В Лос-Анджелесе.

– А я каждый день мотаюсь из Оранджа. Мы там с папой живем. Мама в прошлом году умерла.

– Ой, мне очень жаль! – искренне проговорила Виктория. Конни поднялась, и Виктория рядом с ней почувствовала себя лилипутом. Та написала ей на салфетке номер своего телефона, и Виктория сунула листок в карман.

– Звони, если помощь нужна будет. Первые дни всегда самые трудные. Потом все как-то налаживается. И не забудь записаться в секцию!

Виктория с трудом представляла себя на баскетбольной площадке, но она была благодарна этой славной девушке, которая все сделала, чтобы ее успокоить и приободрить. Виктория даже подумала, что та не случайно под села к ней за столик. Когда они прощались, мимо проходил симпатичный парень.

– Привет, Конни! – бросил он на ходу, прижимая к груди стопку книг. – Игроков вербуешь?

– А то! – Девушка рассмеялась. – Это капитан команды по плаванию, – объяснила она, когда парнишка скрылся. – Может, тебе это тоже подойдет. Попробуй!

– Да я утону! – робко ответила Виктория. – Я плохо плаваю.

– А поначалу это и неважно. Научись, для чего тогда тренеры? Я в девятом классе плавала за нашу команду, но я не люблю рано вставать, а у них тренировки в шесть утра, а то и в пять.

– Ну, тогда я – пас, – усмехнулась Виктория, но ей понравилось, что у нее есть выбор. Это был какой-то новый мир. Казалось, тут всем интересно, каждый находит себе занятие по душе. Вот бы и ей найти себя, неважно – в чем. Конни сказала, что у входа в буфет на доске объявлений висят листки, где можно записаться в клубы по интересам. По дороге она показала, где висит эта доска, и Виктория осталась посмотреть. Шахматный кружок, секция игры в покер, киноклуб и множество других – иностранных языков, готики, любителей кинотриллеров, литературный, клуб любителей древней истории и латыни, клуб любителей любовных романов, археологии, лыжная секция, теннисная, секция туризма... Число клубов и секций измерялось десятками. Викторию сразу привлекли два – киноклуб и клуб латинистов. Но она не решилась в первый же день куда-то записываться. Латынь она уже изучала в последнем классе средней школы, и в киноклубе наверняка будет интересно. Но главное – ей не

придется раздеваться и натягивать форму, в которой она будет выглядеть слонихой. По этой причине она ни за что не пошла бы в секцию плавания, хотя и так уже прилично плавала, в чем не стала признаваться Конни. Перспектива щеголять в баскетбольных трусах ее тоже не привлекала. Вот лыжная секция – еще куда ни шло. Она каждую зиму ездит с родителями на горнолыжный курорт. Отец в молодости был чемпионом, мама тоже прилично катается. И Грейси с трех лет поставили на лыжи – как до нее Викторю.

– Увидимся, – кивнула ей Конни, стремительно удаляясь на своих длиннющих ногах.

– Спасибо! – прокричала вслед Виктория и поспешила на следующий урок.

Когда в три часа мама заехала за ней в школу, настроение у Виктории было отличным.

– Ну как? – поинтересовалась Кристина, радуясь, что дочь вроде бы довольна. Похоже, ее страхи оказались преувеличены.

– Все отлично! – радостно отозвалась Виктория. – Уроки мне понравились. Намного интереснее, чем в средней школе. Утром были биология и химия, после обеда – английская литература и испанский. Учитель испанского немного странный, ни слова не позволяет говорить по-английски, а остальные вполне симпатичные. И еще я теперь знаю, какие тут есть кружки, наверное, запишусь в лыжную секцию и кино клуб. Ну, может, еще в кружок латинистов.

– Неплохо для первого дня! – похвалила Кристина, и они отправились в прежнюю старую школу Виктории, чтобы забрать Грейси. Когда они подъехали, у Виктории вдруг возникло такое чувство, будто за последние три месяца она повзрослела сразу на много лет. Она побежала за сестренкой. Та вышла в слезах.

– Что такое? – спросила Виктория, подхватив малышку на руки. В свои семь лет Грейс была такой миниатюрной, что сестра легко ее поднимала.

– У меня был ужасный день! Дэвид бросил в меня ящерицу, Лиззи отняла сэндвич с арахисовым маслом, а Джейни полезла драться! – жаловалась Грейс. – Я весь день проревела, – добавила она для пущей убедительности.

– Я бы тоже плакала, если бы со мной такое приключилось, – согласилась Виктория, ведя сестренку к машине.

– Хочу, чтоб ты вернулась! – обиженным тоном объявила малышка. – Без тебя мне плохо!

– Я бы и сама рада вернуться, – поддакнула Виктория и тут же усомнилась в собственных словах. Сегодня от новой школы у нее было прекрасное впечатление, намного лучше, чем она ожидала. Несомненно, перед ней теперь открываются новые возможности, надо только повнимательнее во все вникнуть. Может, в конце концов, все не так уж и страшно?! – Я тоже по тебе скучаю. – Грустно было сознавать, что им никогда больше не ходить в одну и ту же школу.

Виктория усадила сестренку на заднее сиденье, та принялась рассказывать матери о своих горестях, Кристина моментально стала ее жалеть. Виктория не могла про себя не отметить (как случалось всякий раз), что мама никогда не была с ней так ласкова, как с Грейс. С младшей дочерью отношения у Кристины были совсем не такие, как с Викторией. Тот факт, что Грейси похожа на родителей, делал их ближе друг другу. Грейси была «своей», Виктория же всегда оставалась в каком-то смысле чужой. Может, когда родилась старшая дочь, Кристина еще не умела проявлять материнские чувства и научилась лишь позднее, с появлением Грейс? А может, она просто чувствовала, что между ними больше общего? Этого никто не мог знать, но факт тот, что со старшей дочерью Кристина всегда была сдержанна и, как и муж, предъявляла к ней больше требований. Джим и Кристина младшую дочь считали ребенком идеальным. А может, с возрастом они просто помягчили характером? Но все же тут сыграло свою роль и внешнее сходство Грейс с родителями. Когда родилась Виктория, им было под тридцать, сейчас им за сорок. Может, дело в этом, а может, они и вправду ее меньше любят.

Вечером отец поинтересовался ее делами в школе, и Виктория рассказала ему и о новых предметах, и о преподавателях, не забыв упомянуть о клубах и секциях. Он одобрил ее выбор, особенно латынь, а про лыжную секцию заметил, что там не только будет интересно, но можно и с мальчиками получше познакомиться. Мама же сочла латынь чересчур заумным предметом и посоветовала выбрать что-то более рациональное. Главное – обзавестись новыми приятелями. Родители понимали, что в средней школе у Виктории было мало друзей. Сейчас же, в старших классах, можно познакомиться с новыми ребятами, а к

одиннадцатому классу у нее уже появятся автомобильные права, и родителям не придется ее больше возить. Им хотелось поскорее видеть дочь самостоятельной, что отвечало и желаниям Виктории. Ей ужасно надоели бесконечные обидные шуточки отца, особенно когда он отпускал их при ее подругах. Сам-то Джим считал себя очень остроумным. Виктории так никогда не казалось.

На другой день Виктория записалась в заинтересовавшие ее клубы. Она решила, что для физической формы ей хватит обязательных занятий физкультурой.

Не сразу, но Виктория все же обзавелась друзьями. Киноклуб она со временем бросила – ей не нравился подбор фильмов для просмотра. Как-то раз она поехала с горнолыжной секцией в Медвежью Долину, но ребята в группе оказались чересчур заносчивыми и в свою компанию ее не приняли. Тогда Виктория решила ходить в туристическую секцию. А вот занятия латынью ее не разочаровали, хотя их посещали одни девчонки. У нее появилось много новых знакомых, но завязать дружбу оказалось делом непростым. Девочки в большинстве сбивались в небольшие компании и строили из себя принцесс, а Виктория этого не любила. Серьезные же девчонки были такие же застенчивые, как она сама, и подружиться с ними тоже оказалось непросто. Два первых года она дружила с Конни, пока та не окончила школу и не поступила в колледж. Но к моменту отъезда Конни Виктория уже вполне освоилась в школе. Время от времени приходили весточки и от Джейка, но встретиться им больше так и не довелось. Оба уверяли друг друга, что непременно повидаются, но обещания так и остались на бумаге.

На свое первое свидание Виктория пошла в десятом классе, когда мальчик из ее испанской группы пригласил ее к одиннадцатиклассникам на дискотеку. Это было целое событие. Конни говорила, он отличный парень, и все было хорошо, пока он не напился с другими ребятами в туалете и их не выгнали с дискотеки. Виктории пришлось звонить отцу, чтобы он отвез ее домой.

Летом перед одиннадцатым классом у Виктории появилась своя машина. Учиться вождению она начала заранее и к этому моменту уже имела стажерские права, так что у нее все шло как положено. Виктория стала ездить в школу сама, когда отец купил ей подержанную «Хонду». Виктория была в восторге.

Она ни с кем не говорила на эту тему, но за то лето серьезно поправилась, на целых десять фунтов. А все из-за того, что летом она подрабатывала –

продавала мороженое и, понятное дело, лакомилась им в перерывах. Маму это огорчало, она твердила, что такая работа ей не подходит, слишком это большое искушение для Виктории, что и доказала прибавка в весе.

– Ты с каждым днем все большеходишь на прабабушку, – мрачно констатировал отец. Каждый день Виктория приносила домой красиво оформленные торты-мороженое для Грейси. Сестренка их обожала, при этом нисколько не полнея. Ей уже было девять, а Виктории – шестнадцать.

Главным же преимуществом ее летней работы было то, что она сумела накопить денег на поездку в Нью-Йорк на рождественские каникулы в составе туристического клуба, и это путешествие изменило всю ее жизнь. Никогда еще Виктория не бывала в таком огромном городе, Нью-Йорк понравился ей намного больше Лос-Анджелеса. Они остановились в отеле «Мариотт» рядом с Таймс-сквер и часами гуляли по городу. Сходили в театр, в оперу, на балет, накатались в метро, поднимались на Эмпайр-стейт-билдинг, посетили музей Метрополитэн, Музей современного искусства и побывали в здании ООН. От всех этих впечатлений у Виктории голова шла кругом. В довершение они увидели настоящий снежный буран, так что домой Виктория вернулась полная восторгов. Нью-Йорк представлялся Виктории лучшим городом на свете, и она мечтала там жить. Она сказала, что попробует поступить в Нью-Йоркский университет или в колледж Барнард, что даже при ее оценках потребует серьезных усилий. Мечтами о Нью-Йорке она жила все последующие месяцы.

Сразу после Нового года Виктория познакомилась с мальчиком, который стал ее первым серьезным увлечением в школе. Майк тоже был членом туристического клуба, но поездку в Нью-Йорк он пропустил. Зато летом он собирался поехать с другими ребятами в Лондон, Афины и Рим. Викторию мама с папой не пустили – сказали, она еще мала, хотя ей уже было почти семнадцать. Майк учился в выпускном, двенадцатом, классе, его родители были в разводе, и разрешение на поездку ему подписал отец. Виктории Майк казался очень взрослым и повидавшим жизнь, она была от него без ума. Впервые она почувствовала себя привлекательной. Майк говорил, она ему очень нравится. Он отправлялся на учебу в Южный методистский университет, а пока они с Викторией все свободное время проводили вместе, к неодобрению ее родителей. Они считали, для их дочери Майк недостаточно умен. Но Виктория была другого мнения. Она нравилась Майку, с ним она чувствовала себя счастливой. Они обнимались и целовались в его машине, но идти дальше этого она не позволяла. Виктория говорила, что еще не готова. А в апреле Майк ушел от нее к девочке, которая

была «готова». С этой новой подружкой он пошел и на выпускной, оставив Викторию сидеть дома с разбитым сердцем. За весь год никто, кроме Майка, ее на свидания не приглашал, у нее так и не появились новые поклонники или подруги.

Лето Виктория просидела на специальной «пляжной» диете. В этом Виктория была упорна и сбросила семь фунтов. Но стоило ей нарушить диету, как она тут же набрала свой вес да еще и три фунта в придачу. А ей так хотелось к выпускным экзаменам привести себя в форму, тем более что учитель физкультуры подсчитал, что у нее пятнадцать фунтов лишнего веса. В начале учебного года, уменьшив количество и калорийность еды, Виктория сбросила пять фунтов и поклялась похудеть еще до конца учебы. Может, у нее бы все и получилось, если бы в ноябре она не свалилась с мононуклеозом и не пролежала три недели дома, поедая мороженое, от которого ей становилось легче. Высшие силы будто сговорились против нее. Она была единственной из всех девочек в классе, которая за короткое время заметно прибавила в весе – Виктория поправилась на восемь фунтов. Казалось, ей никогда не победить в этой схватке с собственным весом. Но Виктория преисполнилась решимости продолжить борьбу, а потому в рождественские каникулы и потом еще целый месяц каждый день до изнеможения плавала в бассейне. А утром, перед школой, совершала пробежку. В результате ее вес уменьшился на десять фунтов. Виктория торжествовала, а Кристина гордилась дочерью. Виктория была полна решимости разделаться еще с восемью фунтами.

Но опять, как бывало уже не раз, настроение дочери испортил отец. Однажды утром, критически оглядев ее фигуру, Джим спросил, когда же она наконец займется собой и сбросит лишний вес. Того, что десять фунтов ценой невероятных усилий уже ушли, он даже не заметил. Для девушки это был болезненный удар. После этого Виктория забросила и плавание, и бег и опять стала после уроков поглощать мороженое, брать на обед картошку фри, причем в больших количествах – так, как ей нравилось. Какая разница, все равно никто ничего не заметил, а свиданий ей никто не назначает. Отец предложил отвести ее в свой спортзал, но она отговорила тем, что слишком занята в школе, что, впрочем, было правдой.

Она усиленно занималась, ее баллы росли, и Виктория подала документы в семь учебных заведений: Нью-Йоркский университет, колледж Барнард, Бостонский и Северо-Западный университеты, Университет Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, Университет Нью-Гэмпшира и в Тринити-колледж. Все это были

вузы либо на Среднем Западе, либо на Восточном побережье. Ни одно учебное заведение Калифорнии ее не привлекало, что огорчало отца с матерью. Она и сама не могла бы сказать, что ею движет, но твердо решила после школы уехать из Лос-Анджелеса. Ей больше не хотелось ощущать себя не такой, как все, и хотя Виктория понимала, что будет скучать по дому, особенно по любимой Грейси, она твердо решила начать новую жизнь. Это был ее шанс, и упускать его она не собиралась. Она отчаялась сравнивать себя с девушками, похожими на старлеток или манекенщиц и мечтающими стать таковыми в будущем, ей больше не хотелось находиться рядом с ними. Отец убеждал ее подать документы в Южнокалифорнийский университет либо в Университет Лос-Анджелеса, но Виктория отказалась. Ей хотелось учиться с другими людьми, такими, кто не помешан на своем внешнем виде, с теми, кто ценит внутреннее содержание человека, знания, а не всю эту мишуру.

Однако ни в одно нью-йоркское учебное заведение Виктория не попала. Не взяли ее ни в Бостон, ни в Университет Джорджа Вашингтона. В конечном итоге Виктории осталось выбирать между Северо-Западным университетом, Нью-Гэмпширом и Тринити. Последний ей очень нравился, но хотелось чего-то помасштабнее. А в Нью-Гэмпшире были хорошие условия для горных лыж... Но выбор Виктории пал на Северо-Западный университет, который она сочла для себя наиболее подходящим. Это было прекрасное учебное заведение и расположено далеко от дома – эти аргументы и определили в конце концов ее решение. Родители сказали, что гордятся ею, хотя и были заметно огорчены предстоящим отъездом дочери и не понимали ее выбора. Им и в голову не приходило, что именно из-за их отношения старшая дочь столько лет чувствовала себя чужой и нежеланной. Обожая младшую, восхищаясь и гордясь ею, они никогда всерьез не задумывались о том, как чувствует себя обделенная их вниманием Виктория. И она больше не желала оставаться Золушкой в родном доме. Может быть, после получения диплома она и вернется в Лос-Анджелес, но сейчас она твердо решила, что должна уехать.

Виктории, как одной из трех лучших выпускников, поручили произнести речь на церемонии вручения аттестатов, и ее проникновенные и эмоциональные слова произвели на собравшихся большое впечатление. Виктория искренне говорила о том, как всю жизнь чувствовала себя белой вороной и как старалась стать такой, как все, о том, что никогда не была спортивной, не была крутой, не пользовалась косметикой. «Я знаю, – говорила Виктория, – меня считают занудой и зубрилой. Но мне действительно интересно заниматься древней историей и латынью. Это мой выбор». Потом Виктория мужественно, как по списку, прошла по всем своим качествам, ставившим ее особняком, но ни словом не обмолвилась о том,

что такой же чужой ощущала себя и в родном доме.

А потом сказала, что, несмотря на все вышперечисленное, она безмерно благодарна учителям и школе за то, что помогли ей найти свой путь. Обращаясь к одноклассникам, Виктория сказала, что они выходят в мир, где каждый из них может стать не таким, как все, где для того, чтобы добиться успеха, каждому придется быть самим собой и идти своей дорогой. Она пожелала своим товарищам и себе успехов в этом поиске и сказала, что когда-нибудь, когда это произойдет и каждый откроет в себе что-то ценное и станет тем, кем ему предназначено быть, они встретятся снова. «А пока, друзья, – сказала она, – всем нам большой удачи!»

Глаза ее одноклассников и их родителей были мокры от слез. Многие ребята теперь пожалели, что не узнали ее поближе. А родителей Виктории ее выступление потрясло еще и своим красноречием. Оба вдруг отчетливо осознали, что скоро расстанутся со своей дочерью, и это было горькое осознание и собственных ошибок. Родители, скрывая волнение, от души поздравили Викторию с прекрасной речью. Кристина остро почувствовала, что теряет дочь, которая, возможно, уже никогда не вернется домой. Когда церемония окончилась и счастливые выпускники подбросили вверх академические шапочки, предварительно отрезав от них кисточки, чтобы вложить их потом в папку с аттестатом, погрузневший отец подошел к Виктории и легонько похлопал ее по плечу.

– Прекрасная речь! – похвалил он. – Бальзам на душу всем чудикам в твоём классе, – добавил он.

Виктория в изумлении посмотрела на отца. Даже в этот момент ее торжества он не упустил случая ее уколоть. Неужели он ничего так и не понял, не услышал горечи в ее словах, не понял ее надежду на новую жизнь?! И это ее собственный отец!

– Да, папа. Чудикам вроде меня, – негромко ответила она. – Я ведь одна из них, из чудиков и белых ворон. Я ведь имела в виду другое: что не стыдно быть не таким, как все, и даже надо быть не таким, как все, если хочешь чего-то добиться в жизни. Это единственное, чему меня научила школа. Отличаться от других не стыдно!

– Надеюсь, не слишком отличаться? – усмехнулся отец. Джим Доусон всю жизнь был конформистом, для него главным было, как он выглядит в глазах окружающих. В его голову за всю жизнь не пришло ни одной оригинальной мысли, он был человеком коллектива до мозга костей. И с дочкиной теорией он никак не мог согласиться, хотя ее речь и то, как она ее произнесла, удивили его. Особенно ему была приятна реакция окружающих. Джим расценил успех Виктории как собственную заслугу – он сам был о себе высокого мнения. Когда-то он считался неплохим оратором. Но Джим никогда не стремился выделяться среди окружающих или быть не таким, как все. Он, наоборот, чувствовал себя уверенно только в общей колонне. И Виктория это прекрасно знала, отчего всю жизнь и чувствовала себя рядом с отцом неуютно, а сейчас это чувство лишь усилилось, ведь у нее не было с отцом и матерью ничего общего, вот почему она уезжает из дома. Если ей суждено наконец обрести себя, найти свое место в жизни – она готова расстаться с уютным и безбедным существованием. И где бы ни было это ее место, она твердо знала, что оно не здесь, не в этой семье. Как бы она ни старалась, стать такими, как они, Виктория не хотела, да и вряд ли бы смогла.

И еще одно огорчение серьезно омрачало жизнь Виктории. С годами она все яснее видела, что Грейси становится абсолютной копией своих родителей не только внешне. Она идеально вписалась в семью Доусонов. Виктория могла только надеяться, что в один прекрасный день сестренка обретет крылья и полетит. А сейчас сделать это должна она. И пусть временами ее охватывал страх, ей все равно не терпелось вылететь из гнезда. Она и страшилась, и одновременно жаждала покинуть родительский дом. Та девочка, которую когда-то сочли похожей на британскую королеву, всю жизнь готовилась к взлету. С улыбкой она в последний раз вышла из школы и прошептала: «Берегись, мир! Я иду!»

Глава 4

Последнее лето Виктории в родительском доме перед отъездом в колледж было одновременно и грустным, и счастливым. Родители проявляли к ней больше внимания, чем во все предшествующие годы, хотя, представляя дочь новому деловому партнеру, отец, по обыкновению, не удержался от сравнения ее с «первым блином», который оказался «комом». Правда, на сей раз Джим добавил, что гордится ее успехами, да еще повторил эти слова дважды, чем немало

удивил Викторию. Мама была явно опечалена ее предстоящим отъездом, хотя вслух ничего не говорила. У Виктории было чувство, что вся семья пытается восполнить нечто важное, что упустила в свое время, но поезд уже ушел. Детство и школьные годы остались позади, и на протяжении всех этих лет родители почему-то всегда говорили не о том: о ее внешности, о друзьях – точнее, об их отсутствии, – а главным образом – о ее фигуре, о сходстве с прабабушкой, которой никто из них не видел. Почему взрослые придают такое значение всякой ерунде? Почему было не стать дочери друзьями, почему она не видела от родных настоящей любви и заботы? А теперь уже поздно наводить мосты, которые должны были существовать изначально. Они чужие друг другу, и Виктория чувствовала, что это уже невозможно изменить. Она уезжает и, наверное, никогда больше не будет жить с родителями и сестрой под одной крышей.

У Виктории не пропало желание, закончив учебу, отправиться в Нью-Йорк, это была ее самая большая мечта. Конечно, она будет приезжать домой на каникулы, будет проводить с родителями Рождество и День благодарения, а может, когда-то и они захотят ее навестить, но время для сплочения уже ушло, и этого не исправить. Наверное, по-своему они ее любят, ведь они родители и она восемнадцать лет жила с ними бок о бок, но все эти годы отец выставлял ее на посмешище, а мама не скрывала своего разочарования ее не слишком привлекательной внешностью и не уставала со вздохом повторять, что Виктория, конечно, умна, но мужчины умных женщин не любят. Детство в родном доме не было для Виктории счастливым. А теперь, когда она уезжает, они говорят, что будут очень скучать. Виктория не переставала удивляться, почему же они не говорили и малой толики этих нежных слов раньше, когда она была рядом постоянно и так нуждалась в родительской поддержке. Теперь уже слишком поздно. Да и любят ли они ее на самом деле? Вот Грейси они любят, а ее?

Если с кем ей и было по-настоящему жаль расставаться, так это с Грейси, ее ангелочком, сошедшим с небес. С Грейси, любившей ее такой, какая она есть, – точно так же, как беззаветно любила ее Виктория. Невозможно было представить, как она оставит свою Грейси и не будет видеть ее каждый день. Сейчас сестре уже одиннадцать, она отлично понимает, что Виктория не похожа на свою родню и что отец временами ведет себя с ней недопустимо. Грейси переживала, когда отец говорил старшей сестре обидные вещи и осыпал насмешками: в глазах Грейси Виктория была самой лучшей, и неважно, худая она или толстая.

Викторию пугала разлука с сестренкой, и она дорожила каждым проведенным вместе днем. Она водила сестру в кафе, брала с собой на пляж, устраивала пикники, свозила в Диснейленд – словом, проводила с ней каждую свободную минутку. Однажды, когда они бок о бок загорали на пляже в Малибу, Грейси повернулась к сестре и задала вопрос, над которым Виктория и сама размышляла, когда была маленькой.

– А может, родители тебя удочерили, а говорить не хотят? – спросила Грейси с невинным взором, и Виктория улыбнулась.

– В детстве я тоже так думала, – призналась Виктория. – Я ведь совсем не похожа на маму с папой. Но все же мне так не кажется. Скорее, во мне проявились гены каких-то наших родных из прошлых поколений – папиной бабушки или еще кого. Все же я их родная дочь, хоть я на них и не похожа. – С Грейси они тоже были совсем разные, но их связывало духовное родство, сестры были лучшими подружками, и каждая знала, что ближе сестры у нее нет никого. Виктория искренне надеялась, что, повзрослев, Грейси не станет такой, как родители. Хотя как знать, ведь мама с папой имеют на девочку большое влияние, а после отъезда Виктории они уж постараются вылепить из нее создание по своему образу и подобию.

– Я так счастлива, что у меня есть такая сестра! – проговорила Грейси. – Жаль, что ты уезжаешь учиться, лучше бы ты осталась...

– Мне тоже ужасно жаль уезжать. Как подумаю, что мы с тобой расстанемся... Но я же буду приезжать домой на Рождество, на День благодарения... И ты тоже сможешь приехать меня навестить.

– Это уже будет не то! – вздохнула Грейси, всхлипнув при этом. Виктория не могла ей возразить – она знала, что сестра права.

Когда Виктория укладывала вещи в дорогу, вся семья словно погрузилась в траур. Накануне ее отъезда отец повез их всех ужинать в ресторан отеля «Бeverли-Хиллз», и они чудесно провели время. В тот вечер обошлось без насмешек. А на завтра они отправились в аэропорт, но стоило им выйти из машины, как Грейси разрыдалась и вцепилась в сестру.

Отец зарегистрировал ее на рейс, сдал багаж, а сестры так и стояли у входа в аэропорт и обливались слезами, да и Кристина тоже была близка к тому, чтобы расплакаться.

– Жаль, что ты уезжаешь, – тихо сказала она. Будь у нее еще один шанс, она бы попробовала начать все сначала. Кристина чувствовала, что теряет старшую дочь безвозвратно. Раньше она не думала о том, что отъезд дочери так ее огорчит, расставание в каком-то смысле застигло ее врасплох.

– Я скоро приеду, – отвечала Виктория сквозь слезы, обнимая мать, а потом опять бросилась к сестренке. – Я сегодня же вам позвоню, – пообещала она, – как только до общежития доберусь.

Грейси кивнула, не в силах сдержать слезы, и даже у Джима в момент прощания глаза были на мокром месте.

– Береги себя! – сказал он. – Если что понадобится – сразу звони! А если тебе там не понравится, ты всегда можешь перевестись в местный университет. – Он надеялся, что этим и кончится. Решение дочери уехать учиться в другой штат Джим воспринял как предательство по отношению к себе. Ему было бы спокойнее, если бы дочь осталась в Лос-Анджелесе, на худой конец – где-то неподалеку, но в планы Виктории это никак не входило.

Еще раз расцеловав всех на прощание, Виктория прошла досмотр и продолжала махать им рукой, пока могла их видеть. Только тогда родные побрели к машине. Последней, кого видела Виктория, была Грейси, бредущая вместе с родителями к выходу из терминала. Как же они все похожи – темноволосые, красивые, стройные... Мама держала дочь за руку, и Виктория видела, что Грейси все еще утирает слезы.

Она уже села в самолет на Чикаго, а слезы все еще стояли у нее в глазах. Лайнер начал набирать высоту, и Виктория смотрела в иллюминатор на город, с которым прощалась, скорее всего, навсегда, чтобы найти свое место во взрослой жизни. Она еще не знала, где оно будет, это место, но в одном не сомневалась: не здесь и не с этими людьми.

* * *

Учеба в колледже протекала так, как и представляла себе Виктория. Она была довольна своим выбором. Это был большой университет с разнообразными учебными программами, Виктория понимала, что курсы, которые она себе выберет, станут для нее путевкой в самостоятельную жизнь, особенно если она в них преуспеет. Она поставила себе задачу – овладеть знаниями и умениями, которые позволят ей найти работу и начать самостоятельную жизнь вдали от Лос-Анджелеса. Она скучала по Грейси, а иногда и по маме с папой, но мысль о том, чтобы жить с ними под одной крышей, даже не приходила ей в голову. Она частенько ездила в Чикаго и всякий раз заново открывала для себя этот город, энергичный и современный. Несмотря на суровые зимние морозы, Чикаго очень нравился Виктории.

На первом курсе она поехала домой на День благодарения и сразу заметила, как вытянулась и похорошела Грейси, хотя куда ей было еще хорошесть! Мама наконец-то сдалась и позволила дочери сняться в рекламе детской одежды фирмы «Гэп Кидс». В городе можно было видеть рекламные щиты и постеры с этой рекламой, Грейс могла бы светить карьера фотомодели, если бы не воспротивился отец, мечтавший об ином будущем для своей любимицы. И еще Джим поклялся, что ни за что не отпустит дочь учиться в другой город. Он объявил Грейс, что ей придется выбирать для дальнейшей учебы один из калифорнийских университетов или колледжей. Он не позволит ей уехать из Лос-Анджелеса. По старшей дочери Джим по-своему тоже скучал. Когда Виктория звонила домой, он терялся в словах и лишь твердил, что надо ей скорее возвращаться домой, после чего отдавал трубку жене, которая принималась расспрашивать дочь о том, чем она занимается и не похудела ли. Этот вопрос больше всего выводил Викторию из себя, поскольку ответ всегда был отрицательным. Но перед тем, как ехать домой, она на две недели села на строжайшую диету.

Кристина сразу заметила, что дочь сбросила несколько фунтов. Виктория рассказала, что регулярно ходит в тренажерный зал, а вот кавалером пока не обзавелась. По правде сказать, она так много занималась, что ей было совсем не до романов. Она сообщила родным, что решила стать школьным учителем, чем вызвала мгновенное неудовольствие отца. Между нею и родителями появился новый камень преткновения, который на время отвлек их от темы ее лишнего веса и отсутствия личной жизни.

– В школе тебе никогда не добиться приличного жалованья. Тебе надо получить диплом по связям с общественностью и устроиться в рекламную или пиар-

компанию. Могу посодействовать! – Отец, конечно, руководствовался лучшими побуждениями, но это никак не соответствовало собственным желаниям Виктории. Она мечтала стать учителем, работать с детьми. Виктория переменяла тему, и разговор пошел о суровом климате Среднего Запада. Сошлись на том, что заочно этого себе не представишь, надо испытать на себе. Всю неделю, предшествующую ее поездке домой, температура в Чикаго держалась существенно ниже нуля. А еще ей понравилось ходить на хоккей. Соседка по комнате? Ничего, терпеть можно, а с некоторыми ребятами в общежитии она даже подружилась. Но на сегодня ее главная задача – привыкнуть к колледжу и к самостоятельной жизни вдали от дома. Виктория пожаловалась, что соскучилась по нормальной еде, и в кои-то веки никто не попрекнул ее тем, что она дважды просила добавку жаркого. А еще она радовалась, что из-за поездки домой пропустит несколько занятий в спортзале. А уж погода в Лос-Анджелесе, как никогда прежде, привела ее в восторг.

На Рождество отец подарил ей новый компьютер. Мама – пальто-пуховик. Грейси же специально к этому дню подобрала их совместные фотографии, начиная с собственного рождения, с тем чтобы Виктория повесила их у себя в комнате в общежитии. Прощаясь с родными после Нового года, Виктория сказала, что вряд ли приедет домой на весенние каникулы. Объяснила тем, что хочет куда-нибудь поехать с друзьями. На самом деле она собралась слетать в Нью-Йорк и подыскать себе работу на лето, но родителям этого не сказала. Отец ответил на это, что, если она не прилетит в марте на каникулы, они сами смогут навестить ее чуть позже и съездить в Чикаго на целый уик-энд. В этот раз расставание с Грейси прошло еще тяжелее. Сестры по-настоящему тосковали друг без друга, да и отец с матерью без конца повторяли, что соскучились.

Второй семестр первого курса оказался нелегким. Холодная зима Среднего Запада, одиночество, узкий круг общения... Близкие друзья пока так и не появились, да к тому же в конце января она свалилась с тяжелым гриппом. По этой причине Виктория опять прервала свои занятия в спортзале и снова вернулась к фаст-фуду. К концу второго семестра она вновь набрала ненавистные пятнадцать фунтов и перестала влезать в привезенную из дома одежду. Она чувствовала себя слонихой и имела уже двадцать пять фунтов лишнего веса. Ничего не оставалось, как в очередной раз начать тренировки, и Виктория стала ежедневно ходить в бассейн. Первые десять фунтов ушли довольно быстро, тем более что Виктория сидела на диете и еще пила таблетки, которыми ее снабдили девчонки в общежитии. От этих таблеток ее подташнивало. Зато она снова влезла в свои вещи и даже начала подумывать о посещении группы «Стражей веса», однако всякий раз находились какие-то

отговорки – то слишком много дел, то на улице чересчур холодно, то еще реферат писать... Это была постоянная борьба с собственным весом. Теперь уже и мама на нее не наседала, и отец над ней не смеялся, а она все равно была собой недовольна. Да и было почему – за весь первый курс у нее не было ни одного свидания.

На весенние каникулы Виктория, как и собиралась, полетела в Нью-Йорк, где ей удалось на лето найти себе место в приемной одной адвокатской конторы, причем ей было обещано приличное вознаграждение. Ей уже не терпелось приступить к работе. Родителям она сообщила новость только в мае, и тут же ей перезвонила рыдающая Грейси. Ей только что стукнуло двенадцать, а Виктории было уже девятнадцать.

– Приезжай домой, прошу тебя! Я не хочу, чтобы ты ехала в Нью-Йорк.

– Я приеду в августе, перед новым учебным годом, – пообещала Виктория, но Грейси этого было мало. Она только что снялась в очередной рекламе, растиражированной на всю страну. Гонорар мама с папой положили на трастовый счет, открытый на ее имя, и вообще сниматься ей нравилось, это так интересно! Но ей ужасно не хватает старшей сестры. Без нее в доме такая скукота!

В апреле вся семья, как было обещано, встретила Викторию в Чикаго, где они провели выходные. Шел снег. Казалось, конца не будет этой зиме, и после сессии Виктория с радостью покинула холодный Чикаго. Это было в последние майские выходные, в День памяти павших. Сразу после этого ей предстояло выйти на работу.

Для работы в адвокатской конторе Виктория купила несколько подходящих, на ее взгляд, юбок, блузок и летних платьев. Свой вес она опять взяла под контроль, отказавшись от десертов, хлеба и макарон. Она сидела на низкоуглеводной диете, и, кажется, это сработало. По крайней мере, дело наконец сдвинулось в нужном направлении, правда, она уже целый месяц не видела мороженого. То-то мама была бы довольна! Виктория удивлялась, почему, вечно ругая ее за полноту и неподходящий рацион, мама всегда держала в морозильнике запас мороженого. И всякий раз ставила на стол все калорийные вкусности, которые Виктория так любила. А у нее не было сил противиться искушению. Но сейчас Виктории некого было винить – она была сама себе хозяйкой. Поэтому собрала в кулак всю свою волю, но до диет и

таблеток решила дело не доводить. Пока она так и не выбралась к «Стражам веса», но в Нью-Йорке стала ходить на работу пешком. Контора находилась на углу Парк-авеню и Восточной Пятьдесят третьей улицы, а поселилась она в небольшом отеле в Грэмерси-парк, то есть примерно в полутора милях от работы. В оба конца выходило три мили в день.

Летняя работа Виктории нравилась. В конторе к ней относились хорошо. Она проявляла ответственность, серьезный подход к делу и расторопность. Работа заключалась главным образом в ответах на телефонные звонки, передаче пакетов курьерам либо, наоборот, приеме предназначенной для адвокатов фирмы корреспонденции. Сидя за стойкой в приемной, она давала информацию вновь пришедшим, помогала клиентам найти нужного им юриста и принимала телефонограммы. Работа была несложная, но хлопотная, и в большинстве случаев уйти домой вовремя не удавалось. Обычно к концу рабочего дня Виктория так изматывалась, что сил идти пешком до Грэмерси-парк, да еще по летнему зною, у нее не оставалось, и она возвращалась домой на метро. Но по утрам, если только она не опаздывала, ей, как правило, удавалось пройтись пешком. Бывали, однако, случаи, когда она, провозившись с волосами или одеждой, ехала на метро, дабы не опоздать к началу рабочего дня.

В адвокатской конторе все секретарши были намного старше Виктории, и подружиться ни с кем не получалось. Народ здесь был занятой, времени на разговоры ни у кого не было. За обедом в офисной столовой она пыталась с кем-нибудь заговорить, но все вечно спешили и были заняты своими делами. Во всем Нью-Йорке у нее не было ни единой знакомой души. Но Викторию это не смущало. По выходным она совершала долгие прогулки по Центральному парку либо, растянувшись на газоне, слушала музыку. Она побывала во всех музеях, исходила Клойстерз, Сохо, Челси и Гринвич-Виллидж, а также студенческий кампус Нью-Йоркского университета. Теоретически она еще не оставила мысли перевестись сюда учиться, но не была уверена, что ей хватит для этого баллов и что она сможет перевестись без потери курса. Скорее, надо будет еще три года проучиться в Северо-Западном (или меньше, если удастся за счет летних семестров управиться быстрее), а уже потом перебираться в Нью-Йорк и искать работу. Теперь, прожив здесь месяц, Виктория твердо знала, что это тот город, где она хочет жить и работать. Иногда в обеденный перерыв она листала справочники нью-йоркских образовательных учреждений, она хотела бы преподавать в одной из частных школ. Ничто и никто не свернет ее с этого пути!

Отработав в адвокатской конторе, Виктория на три последних недели лета полетела в Лос-Анджелес. Едва она вошла в дом, как к ней в объятия кинулась Грейси. К удивлению Виктории, ей показалось, что дом стал меньше, отец с матерью постарели, а Грейси стала намного взрослее, чем была еще четыре месяца назад. Однако она ничем не напоминала Викторию в ее возрасте со стремительно наливающимся телом и пышной грудью. Грейси оставалась миниатюрным созданием, как и Кристина, с изящной фигуркой и точеными чертами лица. Но при всем том было видно, что она повзрослела. В первый же вечер Виктория узнала, что сестра безумно влюблена в одного мальчика, с которым познакомилась в спортивном клубе, куда мама возит ее каждый день на плавание и теннис. Ему уже четырнадцать. А Виктория так и не смогла признаться сестре и родителям, что у нее за весь год не было ни одного свидания. Когда же на нее стали наседавать, заподозрив в излишней скрытности, то она в конце концов придумала себе мифического ухажера, с которым якобы встречается в университете. Она сказала, что он учится на инженера и играет в хоккей. Отец немедленно объявил, что все инженеры зануды. Но, по крайней мере, от нее отстали с расспросами о личной жизни. Еще Виктория наплела, что лето ее парень провел у родителей в штате Мэн. Но легенда о романе со студентом делала ее в глазах близких более нормальной девушкой, чем если бы она рассказала, как вечерами в одиночестве корпит в общежитии за учебниками.

Кристина отвела дочь в сторонку и заметила, что за лето та опять немного поправилась, так что когда они с сестренкой отправлялись в спорткомплекс, чтобы Грейси повидалась со своим приятелем, Виктория не стала раздеваться до купальника и не отправилась в бассейн, а осталась в шортах и майке. Собственно, так она поступала всегда, когда полнела. И чуть не каждый день по дороге домой они с Грейс баловали себя мороженым. Но к тому, что мама держала в холодильнике, Виктория не притрагивалась. Не хотела, чтобы ее опять пилили.

Три недели в Калифорнии пролетели незаметно, и прощание вновь получилось грустным. На этот раз Грейс держала себя в руках, хотя и тосковала оттого, что они не увидят Викторию целых три месяца, до самого Дня благодарения. Правда, Грейси ожидала нешуточная нагрузка в школе, ведь она уже перешла в седьмой класс. Виктория с трудом себе представляла, что через каких-то два года сестренка уже будет в старшей школе.

На втором курсе соседкой Виктории по общежитию оказалась нервная девица из Нью-Йорка. Она явно страдала расстройством пищеварения и была невероятно

худа. После нескольких дней знакомства она призналась, что все лето провела в клинике. Виктория с ужасом наблюдала, как соседка день ото дня худеет. Ей непрестанно звонили родители и спрашивались о здоровье. Виктории она сказала, что у нее в Нью-Йорке есть парень. В колледже ей не нравилось, и Виктории приходилось делать над собой усилие, чтобы не замечать присутствующей вокруг соседки гнетущей атмосферы. Эта девушка была просто соткана из комплексов. При одном взгляде на нее Виктории хотелось от души поесть. К моменту ее отъезда в Лос-Анджелес на День благодарения соседка приняла решение бросить колледж и вернуться в Нью-Йорк. Какое облегчение было знать, что Виктория больше ее не увидит! Нелегко было жить в атмосфере постоянного стресса, которую распространяла вокруг себя эта девица.

Между Днем благодарения и Рождеством Виктория познакомилась с парнем. С момента поступления в колледж это был первый молодой человек, показавшийся ей интересным. Он учился на подготовительном отделении юридического факультета и вместе с Викторией слушал курс английской литературы. Это был высокий, симпатичный рыжий парень с веснушками, родом из Луисвилля, штат Кентукки, и Виктории нравилось слушать, как он растягивает слова на южный манер. Они были в одной учебной группе, и как-то после занятий Бо – так его звали – пригласил Викторию выпить кофе. Его отец владел несколькими скаковыми лошадьми, а мать жила в Париже. Рождество Бо собирался провести у матери. Он бегло говорил по-французски, какое-то время даже жил в Лондоне и Гонконге. Все, о чем рассказывал ей юноша, казалось Виктории необыкновенной экзотикой, да и сам он был человеком доброжелательным, приятным и отзывчивым.

Они рассказывали друг другу о своих семьях, и Бо сказал, что после развода родителей вся его жизнь словно перевернулась. Его мать теперь постоянно переезжает с места на место, расставшись с его отцом, она снова вышла замуж, но опять развелась. На его взгляд, у Виктории была намного более стабильная жизнь, и это соответствовало действительности, однако и она тоже не считала свое детство счастливым. Она чувствовала себя чужой в родной семье, а Бо всюду ощущал себя новичком – после восьмого класса ему пришлось сменить пять школ. А недавно его отец женился на девушке двадцати трех лет, то есть мачеха всего на два года старше его. Он признался, что она пыталась его соблазнить. Оба в тот момент были пьяны, и лишь чудом ему удалось отделаться от нее. И вот теперь он боится с ней видеться. Поэтому и решил на Рождество поехать к матери. Та живет уже с новым мужчиной, на сей раз французом, от которого сын совсем не в восторге.

Все это он рассказывал словно бы и с иронией, но было что-то очень грустное в этой истории потерянного мальчика, мечущегося между двумя эгоистичными, безответственными родителями. Бо называл себя живым доказательством того, что чем богаче предки, тем хуже детям. С двенадцати лет он общается с психотерапевтами.

Самое большее, что позволили себе Виктория и Бо, – это поцелуи и объятия накануне ее отъезда. До поездки Виктории в Лос-Анджелес на Рождество их отношения так и оставались в этой романтической стадии. Бо обещал звонить ей из Парижа. Виктории Бо очень нравился, на нее он производил впечатление незаурядного, романтически настроенного человека. Наконец-то ей не придется врать в ответ на расспросы родителей, можно будет честно сказать, что она встречается с парнем с подготовительного отделения юрфака. Это должно произвести на них впечатление, хотя Виктория с трудом могла себе представить, что Бо понравится ее родителям при личном знакомстве. Для них он был чересчур эксцентричен.

Во время каникул Бо ей позвонил и сообщил, что находится с матерью и ее приятелем в Швейцарии, в Гштааде. Правда, голос у него был невеселый. Но он неизменно веселил ее шутливыми эсэмэсками. Грейси интересовалась у сестры, симпатичный ли у нее кавалер, а услышав ответ, объявила, что рыжих не любит. На этот раз Виктория строго соблюдала диету. К десертам не притрагивалась, даже когда отец вслух выражал недоумение, почему это его «большая девочка» не ест сладкого. Ничто не могло поколебать его мнения о старшей дочери как о толстой сладкоежке.

За десять дней в Лос-Анджелесе Виктория сбросила пять фунтов. С каникул они с Бо вернулись в один день, с интервалом всего в несколько часов. Все каникулы она только о нем и думала, все гадала, как скоро они окажутся в постели. Она была рада, что сберегла себя для него. Бо будет у нее первым, и она представляла, каким нежным и чувственным любовником он станет. В день приезда он сразу примчался к ней в общежитие. Видно было, что он тоже соскучился по Виктории. Они разговаривали, обнимались, целовались и много смеялись, но дальше этого не пошло. Бо не пришел в себя после перелета и вскоре отправился отсыпаться. Ничего не произошло и в последующие недели. Они ни на миг не разлучались, сидели рядом в библиотеке, а поскольку соседки у Виктории теперь не было, Бо частенько оставался у нее ночевать, но всегда ложился отдельно – на соседнюю кровать. Они подолгу целовались, Бо восхищался ее пышной грудью, но ласками все и ограничивалось. И еще он

говорил, что с такими потрясающими ногами ей следует носить мини-юбки. Казалось, он всерьез влюблен в Викторю. На девушку ее влюбленность действовала благотворно – она худела и хорошела. Ей хотелось нравиться Бо. Теперь она даже самой себе нравилась.

Шла зима. Виктория и Бо виделись часто, играли в снежки, ходили на каток, на хоккей и, конечно, в рестораны и бары. Бо перезнакомил ее со своими друзьями. Они всюду были вместе, и им было хорошо. Но время шло, а их отношения так и не становились более близкими. «Неужели и он считает меня толстухой, а хвалит только для отвода глаз? – думала Виктория. – Или он боится испугать меня своими домогательствами? А что, если неприятный эпизод с молоденькой мачехой отвратил его от мыслей о сексе? А может быть, на него так повлиял развод родителей?» Бо явно что-то удерживало, а что – Виктория понять не могла. Было видно, что он ее хочет, их ласки делались все более жаркими, но взаимное желание так и оставалось неудовлетворенным, отчего Виктория сходилась с ума. Однажды в ее комнате они оба оказались раздеты и Бо прижал ее к себе и долго лежал так, не говоря ни слова. А потом вдруг решительно поднялся с кровати.

– Что-то не так? – спросила Виктория, уверенная, что дело в ней, что-то с ней неправильно. Вмиг нахлынуло прежнее ощущение своей неполноценности. Растерянная Виктория вопросительно смотрела на юношу.

– Я в тебя все больше влюбляюсь, – сокрушенно проговорил Бо и закрыл лицо руками.

– А я – в тебя. И что в этом плохого? – Виктория улыбнулась.

– Я не могу так с тобой поступить, – еще тише сказал он. Виктория протянула к нему руку и убрала его рыжие вихры со лба. Бо был удивительно похож на Гека Финна, такой же озорной парнишка.

– Нет, можешь. Все в порядке, – попыталась успокоить Бо она. Бо присел рядом с ней на кровать.

– Нет, не в порядке! Я не могу... Ты не понимаешь! Со мной такое впервые... в смысле – с женщиной... Я голубой... И сколько бы мне ни казалось, что я в тебя влюблен, я все равно в конце концов уйду к мужчине. А я не могу так с тобой

поступить, даже если сейчас я тебя очень хочу. У нас с тобой ничего не получится.

Виктория потрясенно молчала, не зная, что сказать. Такого она и предположить не могла. Все оказалось намного сложнее, чем она могла вообразить. Но Бо, по крайней мере, поступил честно. Рано или поздно он все равно захочет быть с женщиной. И он честно сказал ей правду.

– Я не должен был к тебе подходить! Но меня с первого дня к тебе влекло.

– А почему ты думаешь, что у нас ничего не получится? – робко спросила она, стараясь не показать своего огорчения. На самом-то деле Виктория была потрясена и уязвлена.

– Да потому, что не получится! Это не я, понимаешь? Это какая-то безумная и очень приятная фантазия, но это не настоящий я. И так будет всегда. Я ошибался, когда думал иначе. Ты будешь переживать, а я не хочу делать тебе больно! Мы должны остановиться! – Бо умоляюще смотрел на нее своими большими зелеными глазами. – Давай останемся друзьями. – Но ей не хотелось быть ему другом! Она была влюблена, ее тело изнывало от страсти, и это продолжалось уже целый месяц. Она видела, что он смущен и чувствует себя виноватым за то, что едва не переступил опасную черту и что целый месяц морочил ей голову. – Я думал, все получится, но теперь вижу, что это невозможно. Ты этого не заслуживаешь, Виктория. Ты достойна лучшего!

– Зачем ты все усложняешь? Ты сам говоришь, что влюблен, почему же у нас ничего не выйдет? – Виктория чуть не плакала от разочарования и досады.

– Потому что ты – не мужчина. Наверное, ты плод моих сексуальных фантазий, женщина с роскошным телом и пышным бюстом. Мне следовало бы желать тебя, но на самом деле это – не мое. Мне нужен мужчина. – Бо был с ней предельно откровенен, а таких слов о «роскошном теле» Виктория еще ни от кого не слышала. И невзирая на это «роскошное тело» и «пышный бюст», желания обладать ею он не испытывает. Хоть и в красивых выражениях, но он ее отверг. – Я, пожалуй, пойду, – сказал он и начал одеваться под пристальным взглядом Виктории. Бо повернулся к ней. Виктория продолжала лежать в кровати, не двигаясь с места и не говоря ни слова. – Я завтра позвоню, – пообещал он. Позвонит ли? И если позвонит, то что скажет? Он уже все сказал

сегодня. Быть ему другом? Вряд ли Виктория была на это способна, да она и не желала этого. Она же видела, что Бо от нее без ума. Она не придумала это! – Надо было мне тебе сразу признаться! Но я надеялся, вдруг что-нибудь у нас все-таки получится, я был не готов тебя оттолкнуть.

Она кивнула не в силах найти слова. Она не позволит себе расплакаться у него на глазах. Какое это было бы унижение – рыдать в постели... От двери Бо еще раз обернулся, долго смотрел на нее и вышел. Тогда Виктория с головой накрылась одеялом и дала наконец волю слезам. Она была обижена, раздосадована, несчастна, но в глубине души Виктория понимала, что Бо прав. Было бы только хуже, если бы она с ним переспала и нафантазировала себе то, чего не может быть. Уж лучше так! Но от этого понимания было не легче, она все равно чувствовала себя отвергнутой.

Долго Виктория не могла уснуть, все перебирала в памяти те чудесные дни, которые они провели вместе, сокровенные тайны, которыми делились, нескончаемые объятия и ласки, которые ничем так и не закончились, но заставляли обоих трепетать от страсти. И каким оказался финал?! Наконец она погасила свет и уснула. Утром Бо не позвонил. Зато позвонила Грейси.

– Как там твой Бо? – поинтересовалась сестренка бодрым голосом двенадцатилетней девчонки.

– Мы расстались, – ответила Виктория, чувствуя себя отвратительно.

– А... Вот жалость... Ты говорила, он симпатичный...

– Симпатичный. И был, и есть.

– Вы что, поссорились? Может, еще помириться? – Грейси хотелось поддержать сестру. Она не выносила, когда Виктория была расстроена.

– Вряд ли. Ладно, не будем об этом. У тебя-то как дела? – сменила тему Виктория, и последовал полный отчет о мальчиках седьмого класса, после чего сестры распрощались и Виктория наконец смогла целиком отдаться своим переживаниям. Бо так и не позвонил ни в тот день, ни в последующие. Виктория со страхом думала о том, что им придется встречаться на общих лекциях. Ее охватила паника, но она все же взяла себя в руки и отправилась на занятие, где

преподаватель как бы между делом сообщил, что Бо больше не будет ходить на лекции по английской литературе. Сердце у Виктории сжалось. А вдруг она больше не увидит Бо? Эта мысль преследовала Викторию и после лекции, когда она покидала аудиторию. И тут она подняла глаза и увидела Бо – он стоял в конце коридора и следил за ней, потом медленно двинулся навстречу. Виктория в смятении остановилась. Бо ласково коснулся рукой ее лица, он как будто хотел ее поцеловать, но сдержался.

– Прости меня, – произнес он искренне. – Прости, что я был такой дурак и эгоист! Я подумал, нам обоим будет легче, если я уйду из группы. Если тебя это утешит – знай, что мне тоже очень тошно. Просто я не хотел запутывать все еще больше.

– Все в порядке, – тихо ответила она, и он улыбнулся. – Все в порядке. Я тебя люблю, даже если тебе это совсем неважно.

– Мне это очень важно! – сказал он, коснулся губами ее щеки и быстро зашагал прочь. Виктория побрела в общежитие. Шел снег, было холодно, она шла по обледенелой дороге, думала о Бо и мечтала о том, чтобы их пути когда-нибудь снова пересеклись. Виктория даже не чувствовала, как по ее щекам катятся слезы. Теперь ей нужно было собрать всю свою волю и выкинуть его из головы. А еще, может быть, самое важное – ей надо перестать чувствовать себя несчастной жертвой. Неважно, по какой причине, но она оказалась не нужна Бо. Такой финал их отношений лишь подтвердил то, что она знала и раньше, – никто ее не любит. Случилось то, чего Виктория так страшилась всю жизнь, – она оказалась никому не нужна.

Глава 5

Два последних года в колледже пронеслись незаметно. Летом после второго курса Виктория опять отправилась в Нью-Йорк. На этот раз она стала работать в приемной модельного агентства, и если в адвокатской конторе жизнь текла спокойно и размеренно, то здесь она кипела и бурлила. Но Виктории это даже нравилось. Она сдружилась с несколькими манекенщицами, своими ровесницами, да и сотрудничали с агентством люди интересные. И все в один голос назвали Викторию сумасшедшей, когда узнали, что она хочет стать

учителем. Да Виктория и сама уже была готова признать, что работа в модельном агентстве намного увлекательнее.

Две девушки из агентства предложили ей вместе с ними снимать квартиру, и Виктория с радостью съехала из унылого гостиничного номера. Казалось бы, не жизнь, а сплошной праздник, график необременительный, шикарные наряды и не менее шикарные кавалеры, но так мог считать человек непосвященный. Виктория, придя в агентство, была потрясена тем, насколько тяжелая у манекенщиц профессия. Даже уже известные модели вкалывали в поте лица, тщательно готовились к каждому показу и съемкам. После работы они могли отрываться по полной, но ни на одну съемку не опаздывали и, пока сессия не окончится, были целиком погружены в работу, бывало, по двенадцать-четырнадцать часов кряду. Словом, это не был тот вечный праздник жизни, каким многие считают работу модели.

И еще Виктория была поражена их худобой. Две девушки, с которыми она теперь жила в фешенебельном районе Трайбека, практически совсем ничего не ели. Мучимая угрызениями совести, Виктория было попыталась последовать их примеру, но к ужину уже умирала с голоду. Соседки же либо не ели вообще, либо позволяли себе что-то строго диетическое, да и то в смехотворных количествах. Они словно питались одним воздухом да еще практиковали все мыслимые виды очищения кишечника, чтобы, не дай бог, не поправиться. У Виктории же телосложение было совсем другое, она бы ни за что не смогла продержаться на таких мизерных порциях еды. И все же она изо всех сил старалась соблюдать разумную диету, избегала углеводов, сокращала порции и в результате к концу лета, когда перед началом учебного года полетела домой в Лос-Анджелес, выглядела очень неплохо. Ей ужасно не хотелось уезжать из Нью-Йорка и уходить из агентства. Но ее утешили слова директора: он на прощание сказал, что, если Виктория захочет работать у них, они готовы взять ее в любой момент. А с каким интересом слушала ее рассказы Грейси, когда Виктория приехала домой! Она уже перешла в восьмой класс, а у Виктории впереди был третий курс колледжа. Половина студенческой жизни осталась позади, и Виктория пока не меняла своего решения пойти учительствовать в школу, обязательно в нью-йоркскую. В том, что это непременно должен быть Нью-Йорк, она не сомневалась. Это был тот город, где ей хотелось жить. Отец с матерью уже отчаялись заманить ее обратно в Калифорнию, да и Грейси тоже смирилась.

За прошедший год она похорошела еще больше, и в ней не было и намека на подростковую нескладность, свойственную девочкам ее возраста. И кожа у нее была гладкая и нежная. Стройная и изящная, она успешно занималась балетом. Родители разрешали ей время от времени сниматься в рекламе. Грейси не скрывала, что не любит учиться. За стенами школы она была неутомима, у нее было много друзей, на мобильный телефон, полученный наконец в подарок от родителей, ей беспрестанно звонили ухажеры, которых у нее было одновременно человек пять-шесть. Ничего похожего на тот замкнутый образ жизни, который вела Виктория, когда училась в школе.

За последний год в колледже жизнь Виктории заметно изменилась: два романа, один за другим, но оба не слишком серьезные. Тем не менее в выходные она бегала на свидания, что было гигантским шагом вперед по сравнению с двумя первыми курсами. С одним из своих новых приятелей Виктория лишилась девственности, хотя она бы не могла сказать, что влюблена. С Бо они больше не виделись. Она даже не знала, продолжает ли он учиться. Время от времени она видела кого-то из его приятелей, но подойти и заговорить не решалась. Странная это была история, Виктория до сих пор вспоминала о ней с грустью, это был чудесный сон. Ребята, с которыми она встречалась теперь, были куда более приземленными. Один играл в хоккей, как тот придуманный приятель, о котором она рассказывала родителям на первом курсе. Виктория нравилась ему куда больше, чем он – ей. Он вырос в Бостоне, был грубоват и, частенько напиваясь, впадал в агрессию. В конце концов Виктория с ним порвала. После него был еще один, с которым у нее и случился секс. Этот юноша был симпатичным, но скучным. Он изучал биохимию, и у них практически не было общих тем для разговора. Единственным, что их связывало, был секс. Через несколько месяцев Виктория рассталась со своим биохимиком и полностью сосредоточилась на учебе.

После третьего курса Виктория осталась в колледже на летний семестр. Она хотела прослушать несколько курсов, чтобы освободить время для спецкурса по педагогике на последнем году обучения. Невероятно быстро пролетело время. До выпуска оставался всего год, и пора было вплотную заняться поиском работы в Нью-Йорке. Уже осенью Виктория начала рассылать заявки. У нее был составлен список частных школ, в которых она хотела бы работать по окончании учебы. Она знала, что преподаватели в частных школах получают меньше, чем в государственных, но считала свой выбор правильным. К Рождеству она разослала заявки в девять школ. Она была готова работать даже на подмене, если в какой-то школе вакансию придется подождать.

В январе она стала получать ответы. В восьми случаях ей было отказано. Из девятой школы ответа не было. Не пришел он и к весне, и Виктория сочла это дурным знаком. Она начала подумывать о том, чтобы поработать опять в модельном агентстве, пока в какой-нибудь из школ не откроется вакансия. В любом случае платить в агентстве будут лучше, а жить, если повезет, опять можно будет с кем-нибудь из девушек.

И тут пришел последний ответ. Она сидела над закрытым конвертом с бьющимся от волнения сердцем, точь-в-точь как тогда, когда получала письма из университетов о приеме. Тогда она тоже один за другим с трепетом вскрывала конверты, пытаясь отгадать ответ. Виктория уже не надеялась на положительный ответ. Ведь это была одна из самых престижных школ в Нью-Йорке, и Виктория с трудом могла представить, чтобы они взяли на работу новоиспеченного специалиста, прямо со студенческой скамьи. Оттягивая решающий момент, она достала из стола шоколадный батончик, после чего медленно вскрыла конверт. Внутри был лишь один листок. Виктория приготовилась прочесть очередной отказ и развернула письмо. «Уважаемая мисс Доусон, благодарим за ваше предложение, но, к сожалению, мы вынуждены вам отказать...» – сформулировала она в уме текст письма и в недоумении уставилась на листок. Работу ей не предлагали, но приглашали приехать в Нью-Йорк на собеседование. В письме объяснялось, что одна из учительниц английского языка осенью уходит в длительный декретный отпуск, так что, если они останутся довольны собеседованием, ее могут взять на год, а постоянного места, увы, предложить не могут. Виктория не верила своим глазам. Она с радостными воплями запрыгала по комнате, размахивая своим шоколадным батончиком. Ее просили сообщить, сможет ли она в ближайшие две недели приехать в Нью-Йорк на собеседование.

Она кинулась к компьютеру и набрала ответный текст: она будет счастлива приехать в Нью-Йорк! Распечатав ответ и поставив подпись, Виктория вложила его в конверт, схватила пальто и побежала на почту. Она указала в письме свой электронный адрес и номер мобильного телефона. Ей не терпелось поскорее отправиться в Нью-Йорк. Если ее возьмут, то мечта, считай, исполнилась. Это именно то, чего она так хотела. Нью-Йорк, а не Лос-Анджелес! Все четыре года в колледже она только об этом и мечтала. Спасибо незнакомой преподавательнице, которая собирается рожать. Только бы ее взяли! Приглашение на собеседование было большим событием, и, опустив письмо, Виктория решила отметить его пиццей. Тут ей пришло в голову, что, наверное, лучше было не писать, а позвонить. Но ничего, теперь у них есть номер ее телефона и они смогут назначить встречу на ближайшее время, а уж она-то

готова лететь в Нью-Йорк хоть завтра. Виктория принесла пиццу к себе в комнату и еще раз перечитала письмо. Улыбка не сходила с ее лица. Тот факт, что у нее будет реальная возможность попробовать себя в роли преподавателя частной школы, она воспринимала как самое большое счастье в жизни.

Ей перезвонили через три дня на мобильный и назначили встречу на ближайший понедельник. Виктория обещала быть, а затем решила, что хорошо было бы провести в Нью-Йорке выходные. Потом вдруг поняла, что собеседование состоится в День святого Валентина, с четвертого класса самый ненавистный для нее день, день ее позора. Но если ее примут на работу, то этот день может стать для нее счастливым. Она немедленно забронировала билет, после чего с улыбкой растянулась на кровати, размышляя, как ей надо одеться на собеседование. Может, надеть юбку со свитером и туфли на каблуке? Или лучше брюки, свитер и туфли без каблука? Она не была уверена, стоит ли ей принарядиться, нанимаясь на работу в частную нью-йоркскую школу, а посоветоваться было не с кем, придется действовать наугад. Эмоции переполняли девушку. Ей хотелось петь от радости. Но она лишь счастливо улыбалась, представляя себе свое будущее.

Глава 6

Школа Мэдисон на Восточной 76-й улице, рядом с Ист-Ривер, была одной из самых престижных частных школ в Нью-Йорке. В ней учились старшеклассники с девятого по двенадцатый класс. Считалось, что в этой школе прекрасно готовили учащихся к поступлению в колледжи. Школа была дорогая, с превосходной репутацией, обучение велось совместно, а учащиеся были сплошь из нью-йоркской элиты и лишь маленькая горстка – счастливики, заслужившие стипендии. Ученикам этого заведения предоставлялись большие возможности для академических и внеклассных занятий. Выпускников охотно брали в лучшие университеты, и школа по праву считалась одной из лучших частных старших школ в Нью-Йорке. Получая щедрые пожертвования, школа оснащала лаборатории и компьютерные классы по последнему слову техники, не хуже любого колледжа. Здесь особое внимание уделялось преподаванию иностранных языков – китайского, русского, японского, не говоря уже обо всех остальных, а также об английском. Среди выпускников школы прошлых лет было даже несколько писателей. Не менее замечательным был и преподавательский состав, все – с дипломами лучших университетов. Но, что характерно для всех

частных школ, получали учителя до смешного мало. Наградой считалась сама работа в таком учебном заведении. Для Виктории огромной удачей было само приглашение на собеседование, а уж если она, хотя бы на один год, получит здесь место, это вообще будет потрясающей удачей. Если бы ей предложили любую школу на выбор, она бы все отдала, чтобы работать именно в этой.

В пятницу, сразу после лекций, она вылетела в Нью-Йорк и прибыла на место поздно вечером. Шел снег, многие вылеты были перенесены, а сразу после ее рейса аэропорт вообще закрыли. Виктория радовалась, что их не посадили куда-нибудь на запасной аэродром. У здания аэропорта такси были нарасхват. У Виктории был забронирован номер в отеле в Грэмерси-парк, где она уже когда-то останавливалась. До места она добралась только в два часа ночи, для нее был оставлен крохотный номер, зато по приемлемой цене. Решив не разбирать вещи, Виктория быстро облачилась в ночную рубашку, почистила зубы, легла в кровать и проспала до полудня.

Когда она поднялась, за окном ярко светило солнце, и в его лучах сверкало двухфутовое снежное покрывало, за ночь укывшее город. Нью-Йорк был похож на рождественскую открытку. Мамаши катали детей на санках, неподалеку ребятня затеяла сражение в снежки, мальчишки ловко уворачивались от вражеских «снарядов» и прятались за укрытые снегом припаркованные автомобили, которые хозяевам теперь придется расчищать несколько часов, если не дней. Снегоуборочные машины усиленно чистили улицы и посыпали проезжую часть солью. Был прекрасный зимний день, и Виктория подумала, что погода не застала ее врасплох – она взяла с собой зимние сапоги, без которых в Чикаго было не обойтись. В час дня она уже шла к метро – когда Виктория здесь жила, она каждый день добиралась до работы этим маршрутом. Она вышла из метро на Восточной 77-й улице и дальше пешком направилась в сторону реки. Для начала ей хотелось взглянуть на школу.

И вот перед ней прекрасно отремонтированное огромное здание с несколькими входами. Оно вполне могло бы быть посольством или домом приемов. Было заметно, что совсем недавно оно было подвергнуто реконструкции и обновлено. Над главным входом висела табличка: «Школа Мэдисон». Виктория знала, что здесь обучаются почти четыре сотни воспитанников. На крыше был разбит сад, где можно было подышать свежим воздухом в обед или на большой перемене. Через дорогу, на месте бывшей парковки, был выстроен современный спортзал. Школа предоставляла своим учащимся массу возможностей для развития. В этот солнечный зимний день здание выглядело как-то особенно торжественно и

значительно. Кругом царила тишина, и лишь одинокий служитель расчищал ведущую к подъезду дорожку. Виктория встретила с ним взглядом и улыбнулась, тот улыбнулся ей в ответ. У нее до сих пор не укладывалось в голове, что ей может повезти и она получит работу в своем самом любимом городе на земле. В подаренном мамой белом пуховике она сейчас была похожа на снеговика. Пуховик ее полнил, зато в нем было тепло. В нем она чувствовала себя кем-то вроде белого человечка – логотипа компании «Мишлен», производящей шины, но пуховик служил исправно и был самой теплой вещью в ее гардеробе, приспособленном к холодным чикагским зимам. А на голове у нее была надвинутая до бровей белая шерстяная шапочка, из-под которой выбивалась непослушная светлая прядь.

Виктория долго стояла и смотрела на школу, а потом зашагала обратно к метро, чтобы поехать в центр. Нужно было пройтись по магазинам и приодеться к понедельнику. Ей не очень-то нравилась привезенная с собой одежда, а на собеседовании при приеме на работу надо выглядеть безукоризненно. Виктория понимала, что шансов у нее немного, ведь она прямо со студенческой скамьи, и наверняка у них масса других кандидатов, правда, у нее высокие оценки и превосходные рекомендации, да и энтузиазма ей не занимать. Родителям о предстоящем собеседовании она ничего не сообщила, поскольку отец не оставил своих советов насчет работы в другой сфере деятельности, с более приличным заработком и перспективами последующего роста. Для родителей ее мечта о карьере преподавателя не вписывалась в набор достижений, которыми можно хвалиться перед друзьями или которые повышают их престиж в глазах окружающих. «Моя дочь – учительница» было для них пустым звуком, но как много значила бы для самой Виктории работа в школе Мэдисон в Нью-Йорке! Эта школа занимала первую строчку в списке учебных заведений, где ей бы хотелось работать. На ее взгляд, о такой работе можно было только мечтать, и неважно, что платят там немного. Ей бы только получить эту работу, а она уж как-нибудь проживет.

По заснеженным улицам Виктория вернулась к метро и доехала до Восточной 59-й улицы, откуда на эскалаторе поднялась в магазин «Блуминдейлз» и занялась поисками подходящего наряда. Чаще всего понравившихся моделей ее размера не оказывалось в наличии. Сейчас у нее был четырнадцатый размер, но он был ей тесноват. Зимой Виктория обычно несколько расслаблялась и в результате перелезала в шестнадцатый. К лету, когда становились актуальными легкие вещи, купальники и шорты, она, как правило, снова брала себя в руки и худела. Увы, в последнее время она немного распустилась. Виктория уже дала себе слово к выпуску сбросить вес, а если получит место в Нью-Йорке, то тем более.

Не хотелось начинать свою карьеру в школе в образе толстухи.

После долгих, но безуспешных поисков и нескольких неудачных примерок Виктория наконец остановила свой выбор на серых брюках и темно-синем блейзере, под который подобрала светло-голубую водолазку, в точности под цвет глаз. Виктория осталась довольна своим видом – строгим и сдержанно-элегантным, – как раз то, что нужно, чтобы произвести серьезное впечатление. Примерно так Виктория представляла себе внешний вид учителя этой школы. Нагруженная пакетами, она вернулась в отель. На улицах города по-прежнему хозяйничали снегоуборщики, припаркованные машины оставались под снегом, и повсюду высились огромные сугробы еще не вывезенного снега. Город был парализован. Но Виктория пребывала в приподнятом настроении. Еще она наденет маленькие жемчужные сережки, которые ей подарила мама. А огрехи фигуры спрячет удачно скроенный пиджак. В этом костюме она будет выглядеть молодо, профессионально и достойно.

Утром в день собеседования Виктория проснулась в волнении, у нее даже живот свело. Она вымыла и высушила феном волосы, стянула их в аккуратный хвост и перехватила темно-синей атласной лентой. Тщательно оделась, облачилась в свой большущий пуховик и вышла на февральское солнце. Потеплело, и снег на проезжей части превратился в кашу из слякоти и льда. Надо быть начеку, вся эта жижа так и брызжет из-под колес на прохожих. Может, поехать на такси? Но на метро, она уже знала, будет быстрее. Виктория была на месте за десять минут до назначенного времени и получила возможность увидеть толпу ребят, спешащих к первому уроку. Почти все были в джинсах, некоторые девочки – в коротких юбках и сапогах, несмотря на холодную погоду. Демонстрируя все мыслимые прически и цвет волос, они обменивались репликами и смеялись. Они были похожи на учеников любой старшей школы и ничем не выдавали свою принадлежность к высшим слоям общества. У входа стояли двое учителей, мужчина и женщина, одетые точно так же, как и ребята, – в джинсы и пуховики. На ногах у мужчины были кроссовки, у женщины – сапоги. Здесь царила радующая глаз неформальная атмосфера. У учительницы были длинные волосы, заплетенные в косу, мужчина же был брит наголо. Виктория заметила у него на затылке маленькую татуировку в виде птицы. Весело переговариваясь, дежурные педагоги проследовали в здание за последними учениками, а Виктория вошла следом, молча молясь о том, чтобы ей повезло. Ей была назначена встреча с Эриком Уокером – директором школы, после чего с ней должен был побеседовать и декан отделения английского языка. На входе Виктория назвала себя и села ждать в кресле в вестибюле. Спустя пять минут к ней вышел мужчина сорока с небольшим лет, в джинсах, черном свитере,

твидовом пиджаке и туристических ботинках. Это и был директор Уокер. Он приветливо улыбнулся и пригласил ее пройти в свой кабинет, где указал на потертое кожаное кресло.

– Спасибо, что не поленились лететь в такую даль, – сказал он, пока Виктория снимала пуховик. Хорошо бы ее не сочли излишне чопорной, ведь школа оказалась намного либеральнее, чем она думала, по крайней мере – в плане требований к внешнему виду. – Я уж боялся, из-за метели вы не прилетите, – непринужденно продолжал Уокер. – А кстати, счастливого Валентинова дня! У нас на субботу была назначена дискотека, так пришлось отменить: ребята из пригородов и из Коннектикута не смогли бы добраться. У нас процентов двадцать учеников ездят издалека. Так что дискотеку мы перенесли на следующие выходные. – Виктория заметила, что на столе перед директором лежит ее резюме, значит, он тоже подготовился к встрече. Еще там была выписка из ее зачетки, которую она тоже присылала. Виктория и сама готовилась к собеседованию и наводила об Эрике Уокере справки в Интернете: он окончил Йельский университет, а степень доктора философии получил в Гарварде. Так что это был доктор Уокер, хотя свою корреспонденцию он так не подписывал. Его заслуги впечатляли. Кроме всего прочего, он издал две книги по педагогике и руководство по поступлению в университеты и колледжи для абитуриентов. В его присутствии Виктория чувствовала себя абсолютным ничтожеством, но Уокер держался дружелюбно и сразу перешел к делу.

– Итак, Виктория, – произнес он, сидя в старинном кожаном кресле за письменным английским столом, который, как он ей сказал, перешел к нему от отца. Вся мебель в кабинете была старинная и в то же время стильная. Вдоль стен стояли книжные шкафы. – Почему вы решили стать учителем? И почему хотите работать в Нью-Йорке? Может, лучше было бы остаться в Лос-Анджелесе, там, по крайней мере, снег не пришлось бы разгребать, чтобы дойти до школы? – Он говорил это с улыбкой, и Виктория улыбнулась в ответ. Какой он славный! Девушке так хотелось произвести на него хорошее впечатление, но вот как? Единственным ее оружием были энтузиазм и искренность.

– Я люблю детей. С детства мечтала, когда вырасту, стать учителем. Я всегда чувствовала, что это – мое. Мне неинтересно заниматься бизнесом, продвигаться по карьерной лестнице. Хотя именно этого хотят для меня мои родители. По их мнению, сейчас очень важно вовремя сделать карьеру. А я думаю, что куда важнее изменить жизнь какого-нибудь парня или девчонки, если, конечно, мне это когда-нибудь удастся. – По глазам директора она видела, что ее ответ

понравился. Виктория немного приободрилась. И она говорила правду.

- И вас не смущает низкая зарплата? Вы ведь будете зарабатывать меньше всех своих сверстников.

- Нет, не смущает. Мне многого и не требуется.

Директор не стал ее спрашивать, будут ли ей помогать родители, впрочем, это была ее проблема.

- Вы зарабатывали бы намного больше в государственной школе, - честно заявил он, но это Виктория и сама уже знала.

- Мне это известно. А возвращаться в Лос-Анджелес я не хочу. Я всегда мечтала жить в Нью-Йорке, я даже подавала документы в Нью-Йоркский университет и в Барнард. Я чувствую, мое место здесь. А больше всего мне хочется работать именно в вашей школе.

- Почему? Богатых детей учить сложнее, чем других. Они продвинутые подростки, им многое доступно. Какие бы ни были у них оценки - а у нас и слабые ученики есть, - они все неплохо соображают и не позволят вешать себе лапшу на уши. Если учитель не знает предмета - вмиг раскусят, тогда знай держись! Самоуверенности и наглости в них больше, чем у детей из семей победнее, и преподавателям с ними нелегко. Они очень требовательны и хотят получать все только самое лучшее. На это и направлены все наши усилия. Вас не смущает, что вы будете всего на четыре-пять лет старше своих учеников? У нас освобождается место учителя в одиннадцатом и двенадцатом классах, и еще, возможно, мы предложим вам взять десятый. Это может оказаться та еще компания, особенно в нашей школе, где многие ребята так рано взрослеют. Не забывайте, эти дети с рождения живут в весьма специфической среде, и запросы у них соответствующие. Думаете, справитесь с такими? - прямо спросил директор.

Виктория ответила без колебаний:

- Думаю, что да, доктор Уокер. Мне кажется, я справлюсь, больше того: я уверена. Только дайте мне шанс!

– Преподавательница, которую вы будете замещать, уходит всего на год. После этого ничего вам обещать не могу, даже если вы себя очень хорошо проявите. Иными словами, мы предлагаем вам не постоянную работу, а только на год. После этого будем смотреть, что у нас для вас найдется – может, кто надумает уволняться или пойдет в длительный отпуск. Так что, если вы ждете долгосрочных гарантий, лучше вам поискать другое место.

– Буду счастлива, если вы возьмете меня хотя бы на год, – честно ответила Виктория. Не могла же она сказать, что из всех других мест получила отказ. Ей было невдомек, что весь ее короткий послужной список – и в адвокатской конторе, и в модельном агентстве – был проверен и администрация школы осталась довольна выданными ей характеристиками – в плане ее ответственного, добросовестного подхода к делу, профессионализма и безупречной честности. Не менее высоко была оценена и ее студенческая педагогическая практика. От Эрика Уокера сейчас требовалось только решить, подходит ли она на роль учителя в школе Мэдисон. Девочка, судя по всему, умненькая, хорошая, искренняя. И еще его подкупило горячее желание Виктории работать именно в этой школе.

После разговора, продолжавшегося сорок пять минут, Эрик Уокер порекомендовал ее своей ассистентке, которая показала Виктории школу. Это было впечатляющее здание с прекрасными классами и новейшим оснащением. В такой атмосфере мечтал бы работать любой педагог, тем более что ребята показались Виктории умными, сосредоточенными, заинтересованными и воспитанными. Потом состоялась ее беседа с деканом, рассказавшим кое-что о составе учащихся и о тех проблемах, с которыми она может столкнуться. Это были те же проблемы, что и в любой старшей школе, только здесь дети были избалованы большими деньгами родителей и возможностями. А зачастую и травмированы сложными отношениями в семье и разводами родителей. Но ведь трудности с взаимопониманием в семье – удел не только бедных, богатых они тоже не обходят стороной – за деньги счастье не купишь.

По окончании второго собеседования декан поблагодарил Викторию и сказал, что после беседы с несколькими другими кандидатами будет принято решение, о котором ее известят. Виктория попрощалась с деканом и сама не заметила, как очутилась на улице. Она еще раз оглянулась на здание школы и стала молиться, чтобы место досталось ей. Пока вопрос оставался открытым. С ней говорили так любезно, что невозможно было понять, результат это произведенного ею впечатления или дежурная вежливость. До Пятой авеню Виктория дошла

пешком, потом повернула на север и прошагала еще пять кварталов. Она решила пойти в музей «Метрополитэн». В музее сразу направилась в новое крыло, где была египетская экспозиция. Потом в полном одиночестве перекусила в кафетерии. Выйдя на улицу, она взяла такси и поехала в гостиницу.

Она расположилась на заднем сиденье машины и смотрела, как за окном проплывает Нью-Йорк и люди на улицах куда-то спешат и суетятся, словно муравьи. Как бы ей хотелось в один прекрасный день стать одной из них! Хоть бы ответ из школы пришел побыстрее! Ведь если ей откажут, придется начинать все заново и искать работу уже в Чикаго, а может быть, даже и в Лос-Анджелесе, но это уже будет совсем крайний случай. Ведь может так случиться, что выбора не останется и придется возвращаться домой. Ей становилось не по себе при мысли о том, что снова придется жить в Лос-Анджелесе вместе с родителями, изо дня в день слышать все те же шуточки отца и тяжелые вздохи матери. Ну уж нет, только не это! Родители действовали на нее угнетающе.

В гостинице Виктория сложила вещи в сумку и на такси отправилась в аэропорт. До вылета оставался час, и она отправилась в кафетерий, взяла большой чизбургер и мороженое с орешками и карамельным сиропом и все это с удовольствием уничтожила. Но тут же стала ругать себя последними словами. Что она делает? И тем более жареная картошка на гарнир! Но Виктория нервничала, а еда принесла хоть какое-то облегчение и уняла ее страхи. Что, если ее все-таки не возьмут? В таком случае найдется что-то другое, успокаивала она себя. Но ей-то больше всего хочется работать в школе Мэдисон! «Господи, мне так нужен этот шанс...» – повторяла Виктория, хотя и понимала, что надежды мало, ведь у нее совсем нет опыта преподавания.

Объявили посадку, она поднялась, взяла сумку и направилась к самолету. Ну что ж, ей остается только вернуться в колледж и ждать. Вообще-то, если подумать, не такой плохой выдался у нее Валентинов день в этом году. Он даже может оказаться лучшим в ее жизни, если она получит эту работу. Устраиваясь в кресле и пристегиваясь, Виктория пообещала себе, что сядет на диету и начнет бегать по утрам в оставшиеся до выпуска три месяца. Однако же когда стюардессы раздали орешки и печенье, она опять не смогла удержаться. С отсутствующим видом она сгрызла и то и другое, продолжая вспоминать собеседование в надежде, что она произвела хорошее впечатление, и молясь, чтобы место досталось ей.

Глава 7

В первую неделю марта директор школы Мэдисон Эрик Уокер сам позвонил Виктории. Он сказал, что сделать выбор между нею и несколькими другими претендентами на должность оказалось непросто, но предпочтение все же отдали ей. Виктория едва сдержала восторженный возглас. Уокер сказал, что контракт ей уже выслали по почте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/daniela-stil/bolshaya-devochka/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Grace – грация, изящество, благодать (англ.).

Купити: <https://telnovel.me/daniela-stil/bolshaya-devochka-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)